

**ПАПА
прав!**

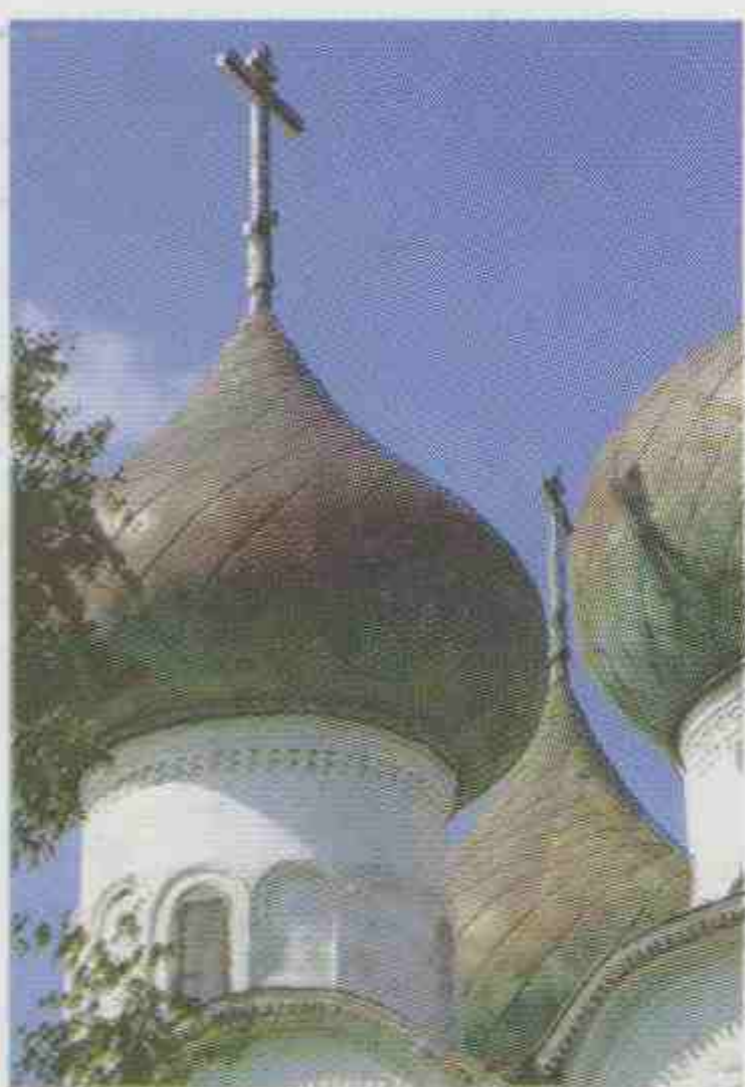
**Уж-жасная
ТАИНА**

**Поет
ДЖАСТИН**

8,07

ЛЮДИ

**ИГРУШКА
ИЗ САМОГО
КАРГОПОЛЯ**

**Кто пел в
басне?**

**ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ**

**Проверь
себя**

Мой ДОМ

**Как стать
СУВОРОВЦЕМ?**

Хочешь
конфетку?

**О, КАК Я
завидую!**

Каргополь

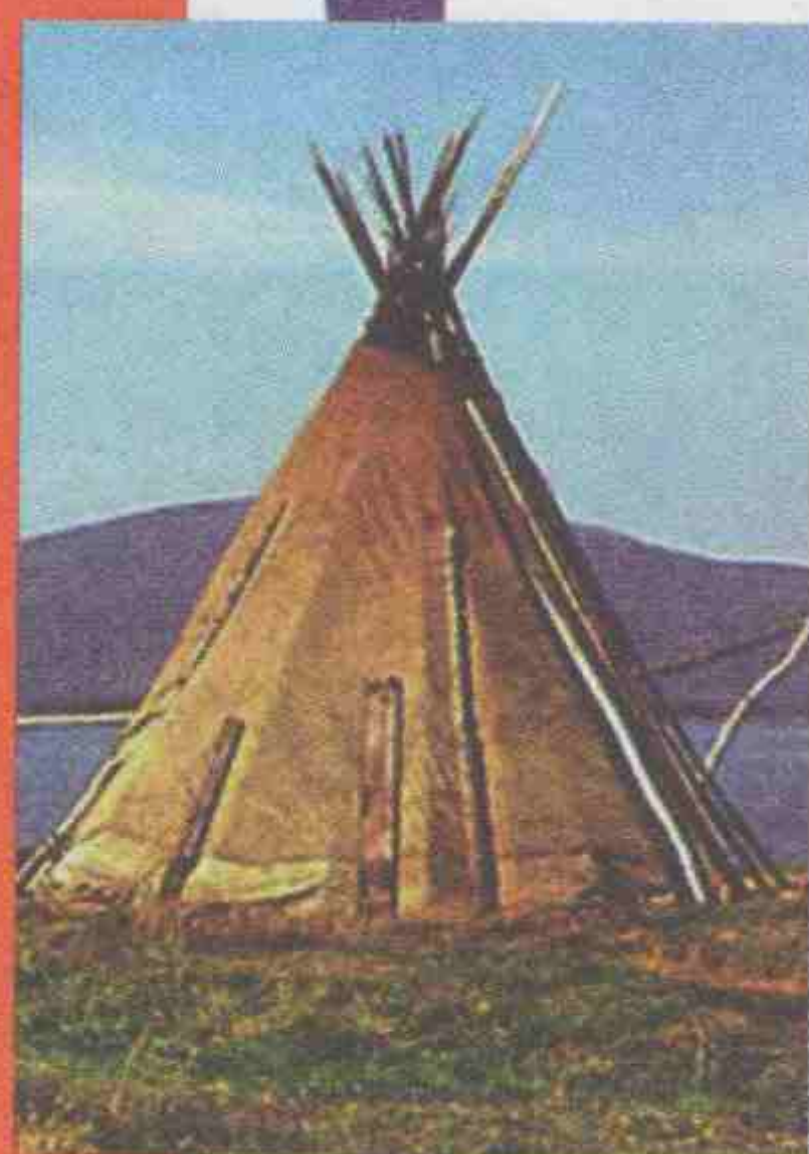

КАРГОПОЛЬ

Творец
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДУМАЮЩИХ РЕБЯТ
Основан в марте 1924 г.
№ 8
МОСКВА, 2007 г.

...ВАМ ОТ НАС!

ПОРАЗМЫШЛЯТЬ**... И ПОРАЗВЛЕЧЬСЯ!****ЧИТАЙТЕ
В НОМЕРЕ:**✓ **2** ▶ Николай ГОЛОВКОВ**ДОМ РОДНОЙ**

Дома строят везде. В скалах и в непроходимых джунглях, на берегу моря и среди льдов. И все равно для кого-то это самое милое на свете место. Дом родной!

8 ▶ **ГОВОРИ!**

Зависть. Почему она не дает людям спать по ночам?

9 ▶ **КОРАБЛИК**

Стихи девочки из Ставропольского края: писать может!

10 ▶ **8 «ОКАЗЫВАЕТСЯ...»
О СТРЕКОЗАХ**

Оказывается, полет стрекозы много раз снимали на пленку и пытались «расшифровать» с помощью компьютера. А вообще-то эта симпатичная летунья – свирепый хищник.

18 ▶ **МУЗЕЙ ПО ИМЕНИ ЗЕМЛЯ**

Леонид КЛЕПИКОВ

ТИХИЕ ЗВОНЫ

Сказ про то, как тихий северный Каргополь был когда-то богат и славен, но знаменитым его сделали не ушедшие богатства, а простая глиняная игрушка.

15 ▶ **КЛИП-КЛУБ**

- ▶ Ну вот он к нам и приезжает. Снова.
- ▶ «Татушки» сами себя сыграли.
- ▶ Земфира готовится.

18 ▶ **МАШИНА ВРЕМЕНИ**

Николай ЛОГИНОВ

КАК СЛАДКО!

Хочешь египетскую конфетку попробовать? Тогда – марш за финиками!

28 ▶ **ОХОТНИКИ ЗА СЛОВАМИ**

Лариса ШЕБЕКИНА

НУ НЕ ПЕЛА Я!

Как на бедное насекомое напраслину возвели.

32 ▶ **ВИНЕТРЕТ НА ПРОЩАНИЕ**

Что такое «реальное» айкидо?

20- стр.Юрий
КАЗАКОВ**ГОЛУБОЕ
И ЗЕЛЕНое**

Самый лучший рассказ о самой первой любви. К 80-летию писателя.

Майкрософт
ИКС

ДОМ

Николай
ГОЛОВКОВ

родной

У каждого человека, если только он не обижен судьбой, есть свой ДОМ. Деревянный, у северных фиордов, или крытый пальмовыми ветками, под южными созвездиями.

Иногда это обычная городская квартира – они похожи друг на друга и в Москве, и в Риме. И все равно это самое милое место на свете. Дом родной...

Хотите, я угадаю, какой рисунок вы нарисовали самым первым? Вначале вы рисовали квадратик. Потом, после долгих стараний, внутри у него появлялся еще один квадратик – поменьше, перечеркнутый двумя кривоватыми линиями. Сверху вы пристраивали не слишком ровный треугольник, а над ним – нечто, отдаленно напоминающее букву П. Наконец, завершающий штрих мастера: над буквой П пружинкой закручивалась кудрявая завитушка. Готово. Можно смело звать маму: «Ма-ам, а правда я хорошо домик нарисовал?»

Это был, так сказать, базовый элемент. При желании его можно было сколько угодно совершенствовать и дополнять деталями. Солнышком, напоминавшим репку с воткнутыми в нее спицами. Елкой, здорово смахивавшей на рыбий скелет. Собачьей будкой с высывавшейся из нее зубастой пастью. Колодцем, тропинкой, скворечней, речкой, облаками. Вариантов могло быть множество. Но самое главное оставалось неизменным: четыре стены, островерхая крыша, окошко...

Я думаю, если бы собрать да «оживить» все когда-нибудь нарисованные детьми домики, понадобилась бы еще одна планета: старая добрая Земля вряд ли сумела бы вместить их астрономическое число.

Но вот что интересно: где это современный городской ребенок, кото-

рый учится управляться с компьютерной приставкой раньше, чем разговаривать, видел такие домики-избушки, какие его нетвердая рука старательно чертит на листке бумаги? Их ему в изобилии рисуют бабушки и дедушки, папы и мамы. Да еще и приговаривают: «Здесь у нас будет окошечко, а это – крыша с трубой...» Ну, а они где, в свою очередь, видели? А им тоже рисовали. И так же ласково приговаривали.

Еще один «учитель» – нарядные детские книжки с картинками: «Была у лисички избушка ледяная, а у зайчика – лубяная...» И хотя поди-знай, что оно такое – лубяная, маленький человечек крепко запоминает: *настоящий* домик – место надежное, теплое, крепкое. В нем уютно и *совсем не страшно*: мой домик, никто не войдет! Помните, как вы в детстве в укромном уголке на даче или в городской квартире – под кухонным столом – устраивали себе «комнату»? Сидите себе «внутри», и хотя стены и надежные запоры существуют лишь в вашем воображении, – на сердце легко и спокойно: даже игрушечный домик дарит нам чувство защищенности.

Так что как ни суди, а наивный детский рисунок с кудрявым дымком и кособоким окошком – вещь полезная. Он не только показывает, из чего дом состоит, но и объясняет, для чего он человеку нужен.

А теперь давайте попробуем разобраться, много ли осталось в наших представлениях о человеческом жилье от самого первого дома, который когда-то соорудили наши предки. И какими они были, эти первые дома?

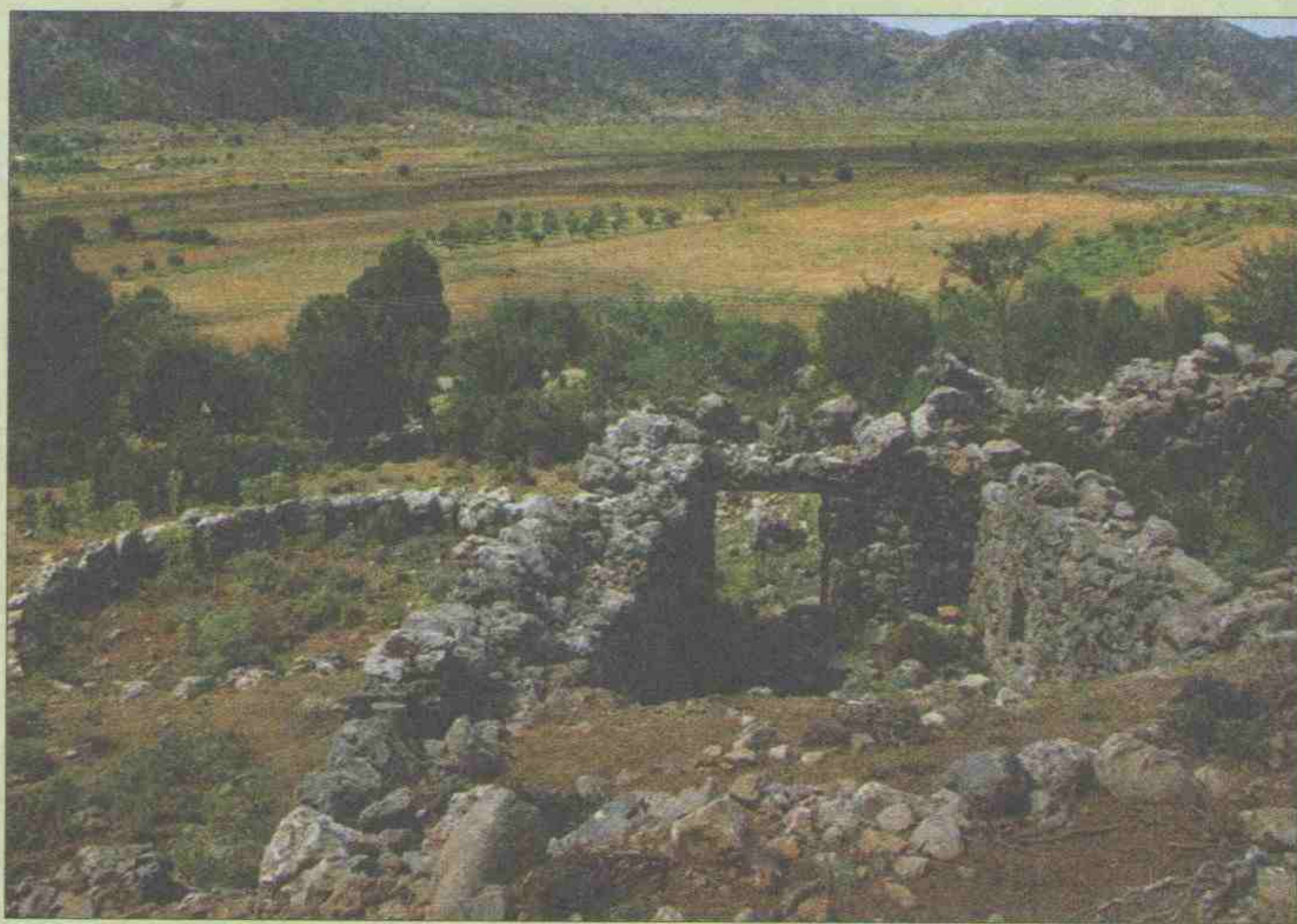
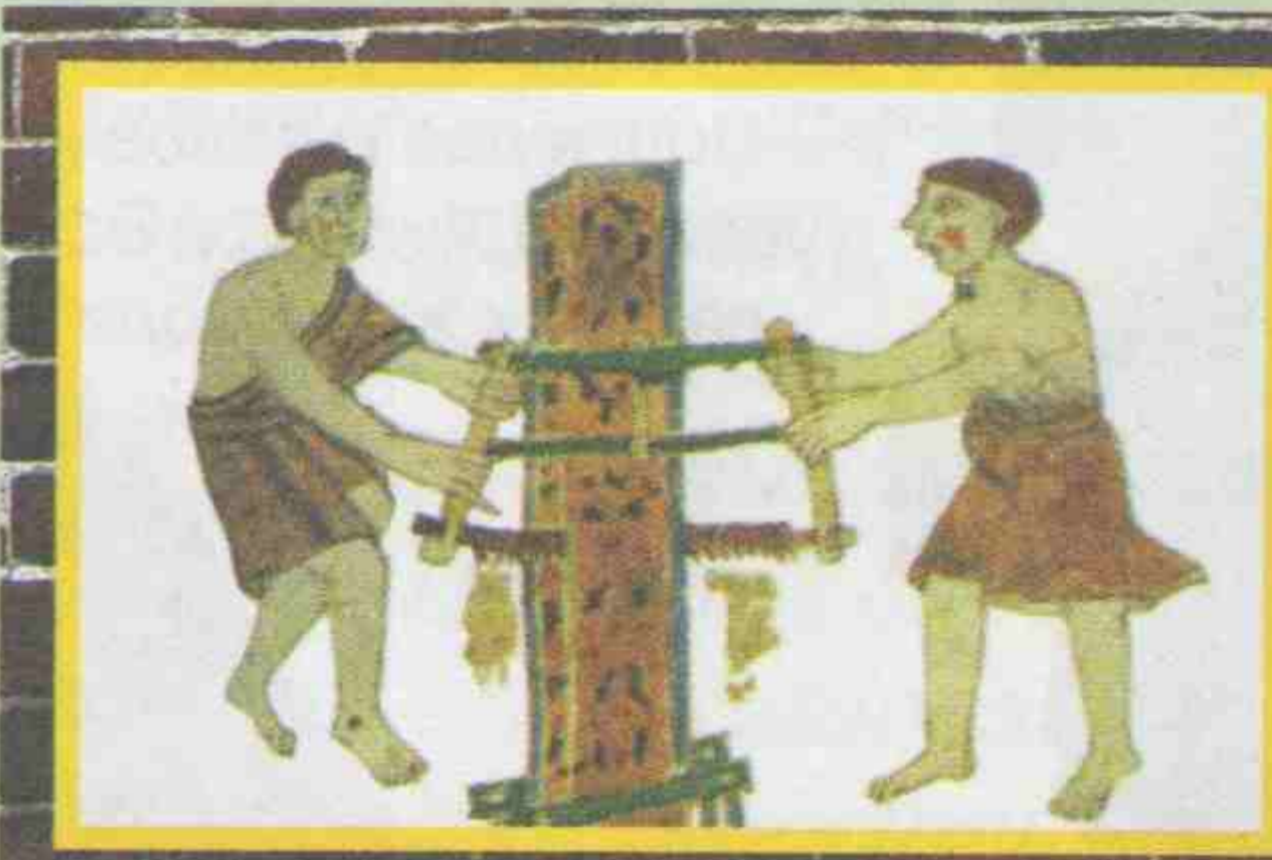
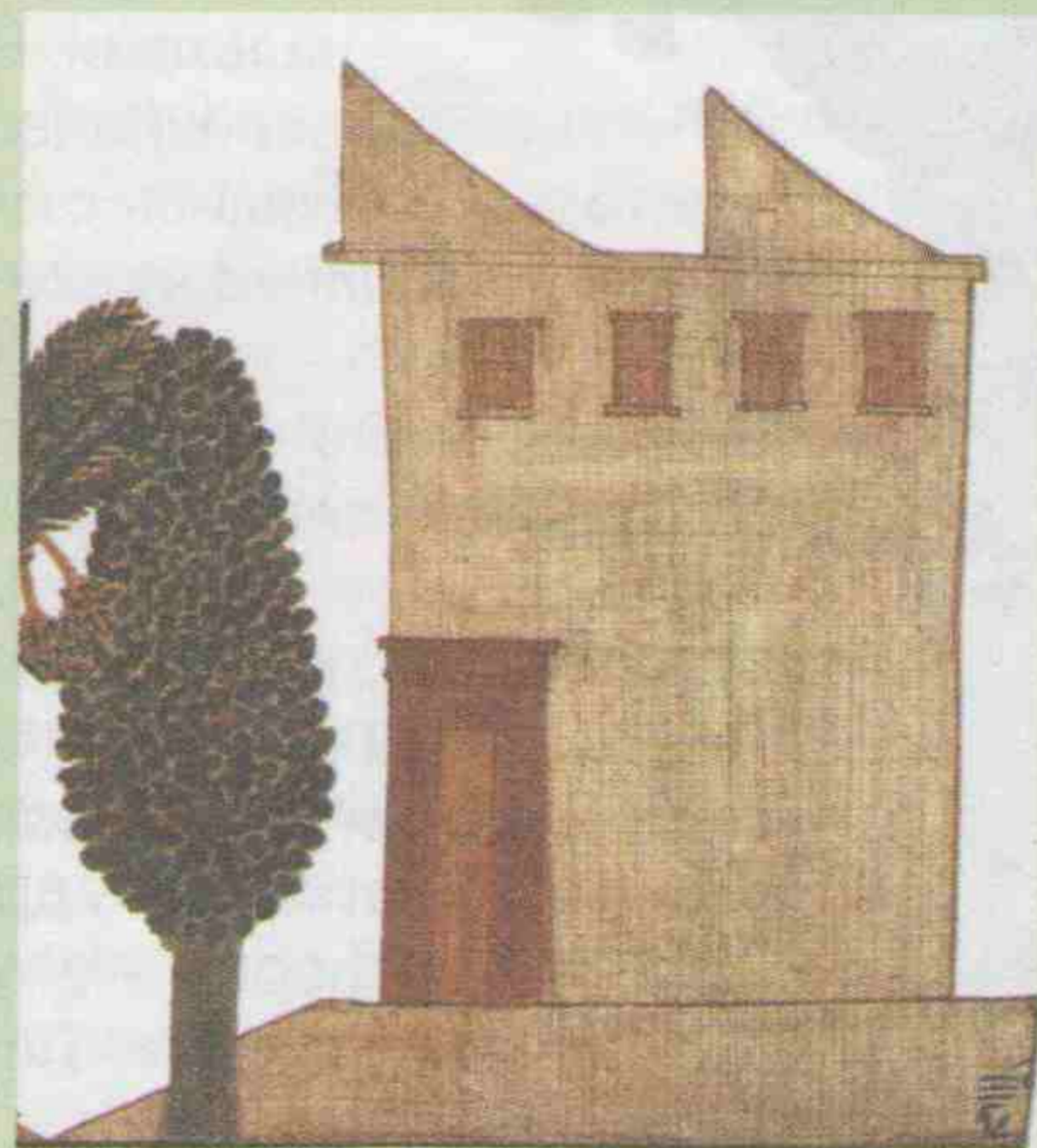
Кое-что об этом мы знаем. Хотя и не слишком многое. Примерно 200 тысяч лет назад люди выложили из камней ровную площадку, окружили ее плетеными из хвороста «стенами» и накрыли крышей из ветвей. А потом вошли внутрь у сами удивились: до чего же здорово! Случилось это в Африке, в ущелье Олдувэй. Именно там нашли следы древнего жилища.

А вот другой тип жилья. По сравнению с «африканским» он куда более юн. Ему не более 15 тысяч лет. Начертив овал, охотники воткнули в песок длинные гибкие жерди и связали их тонкие концы поверху. Получился каркас. Его накрыли густыми зелеными ветками, вошли внутрь – и... обрадовались ничуть не меньше, чем африканские предшественники. Забавно, что первая «вилла» была возведена недалеко от места, которое ныне занимает фешенебельный французский курортный город Ницца. Так что древние охотники отличнейшим образом понимали, где лучше всего выбирать участки, пока другие не перехватили.

Но все это выглядело не слишком убедительно. Дунул крепкий ветер, хлынул ливень с грозой – и будь любезен, лови «стены» и «крышу» по белу свету. Нужно было строить что-нибудь более основательное. Но прошло еще долгих 6 тысяч лет, прежде чем люди поняли, с какого боку братья за дело. Неведомый нам строительный гений из долины Вади эн Натуф в Палестине выбрал подходящую известняковую скалу, прочертил на ней кварцевым осколком контур – и подал знак соплеменникам: долбите! Те поплевали в ладони и врубились в известняк метра на полтора, придав углублению приятную для глаз округлую форму. Осталось накрыть его шатром из шкур, войти внутрь и... Дальше вы знаете. Правда, по сравнению с африканской новостройкой и французской «виллой» здесь было одно важное отличие. Это было *постоянное* жилище. Кто-то уже на полном серьезе считала его своим **домом**.

Дальше пошло полегче. Понадобилась жалкая тысяча лет, прежде чем неподалеку от этой

Дом египетского чиновника. Сложенные из кирпича стены оштукатурены и выкрашены. Расположенные высоко окна прикрыты от солнца и пыли решетками. На крыше – большие вентиляционные отдушины ловят малейшее дуновение северного ветерка. Жарко!

Немного фантазии – и ты «реконструируешь» жилище древних греков.

же долины, рядом с библейским Иерихоном, возвели ивовый каркас, а затем обмазали его глиной. Получились стены. Ровные, почти настоящие. Чтобы окончательно изжить это унижительное «почти», пришлось ждать еще лет двести пятьдесят – триста.

Наконец, час пробил. В этой же достославной местности строители сдали в эксплуатацию дом, сложенный из необожженных, но старательно отформованных глиняных кирпичей. Такие кирпичи в ходу и сегодня. Где-то их называют саманом, где-то – сырцом, а кое-где – вальками. Но суть не в названии. С момента появления в далекой Палестине неказистого с виду сооружения часы истории принялись отсчитывать долгий век *цивилизованного* человеческого жилища – такого, каким мы его знаем сегодня.

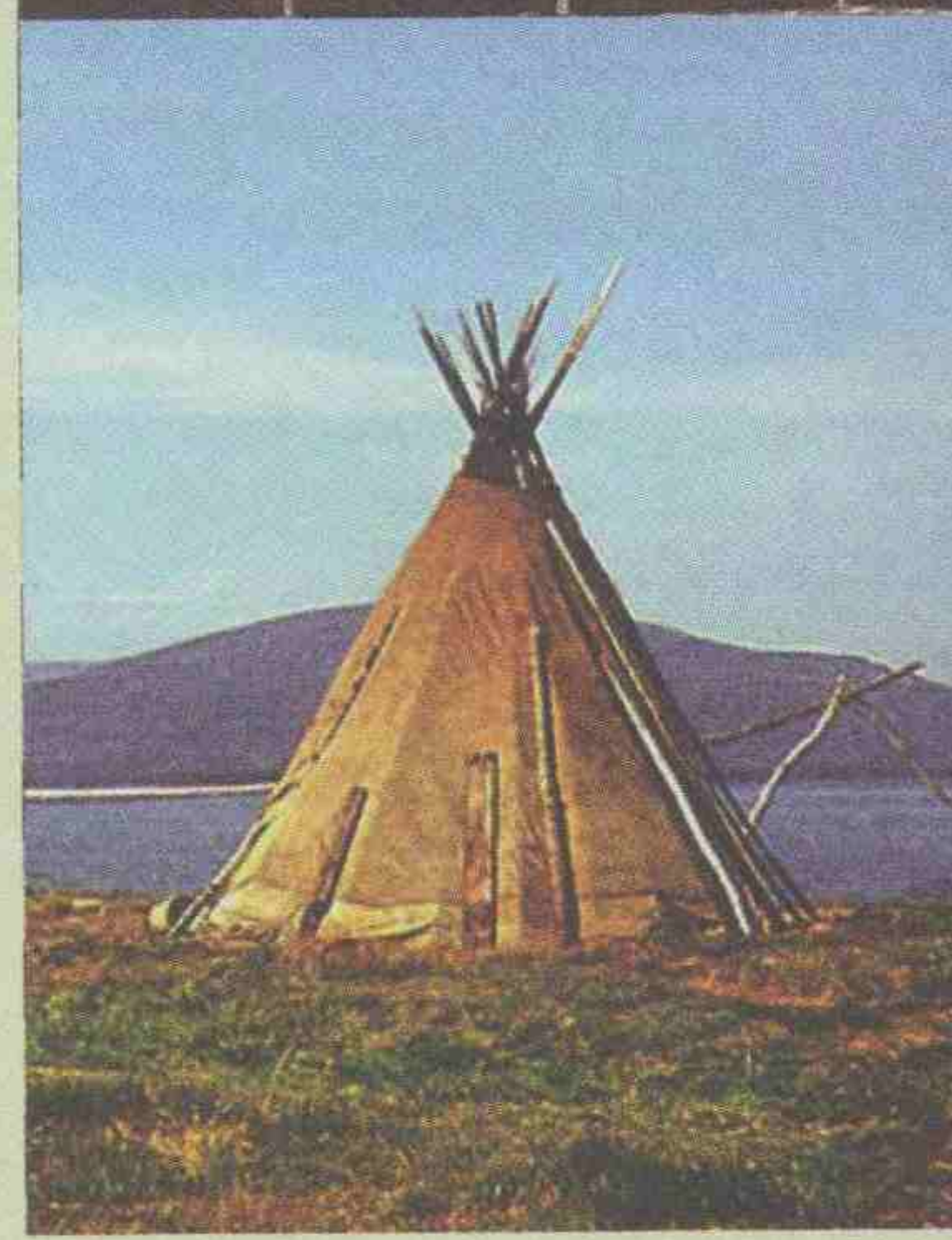
А теперь давайте сопоставим две даты. Получается, между древнейшей африканской хижинкой из пальмовых веток и не слишком опрятным саманным сарайчиком в Палестине пролегло **несколько десятков** тысяч лет. Ну, и где же все это время жил человек – на улице? Не совсем. В том смысле, что с улицами в ту пору было слабовато. В распоряжении людей, если не брать в расчет пещер и других природных укрытий, было древнейшее из обустроенных им жилищ – землянка. Сперва – у корней поваленного бурей дерева или в глубокой промоине. Позднее – выкопанная самостоятельно, в полюбившемся месте, изнутри обложенная камнем, накрытая толстым слоем дерна или шкур, с очагом посередине и даже кое-какой «мебелью» в виде чурбаков и здоровенных каменюк.

Почти две с половиной тысячи лет назад великий древнегреческий драматург Эсхил в «Прикованном Прометее» рассказывал, как жили люди на заре цивилизации:

*... Из кирпичей не строили
Домов, согретых солнцем.
И бревенчатых
Не знали срубов.
Врывшись в землю,
В плесени пещер,
Без солнца,
Как муравьи кишашщие
Ютились...*

В землянке роль стен и пола выполняла вся земная толща, до самых потаенных ее глубин. Землянка – сооружение не слишком хитрое. Более-менее аккуратно вырытая яма, печурка для огня, углубления в «стенах» для припасов, земляные «кровати», груда камней – раскалясь на огне, они долго отдавали тепло, согревая «квартиру». Но даже землянку следовало обустроить не абы как, а с толком. Во-первых, где копать? Ошибешься, выберешь мокрое место, – будешь сидеть по шею в мерзкой жиже. Устроишься на пересечении звериных троп – попадешь хищнику на ужин. Поселишься в горах под скалой – камнепад раздавит. У несметливых хозяев под ногами вечно чавкала грязь. Умные же густо посыпали пол толстым слоем пережженной на огне земли, смешав ее с древесным углем и резаной травой. В результате пол утаптывался до такой бульжной твердости, что впору было затачивать каменные топоры.

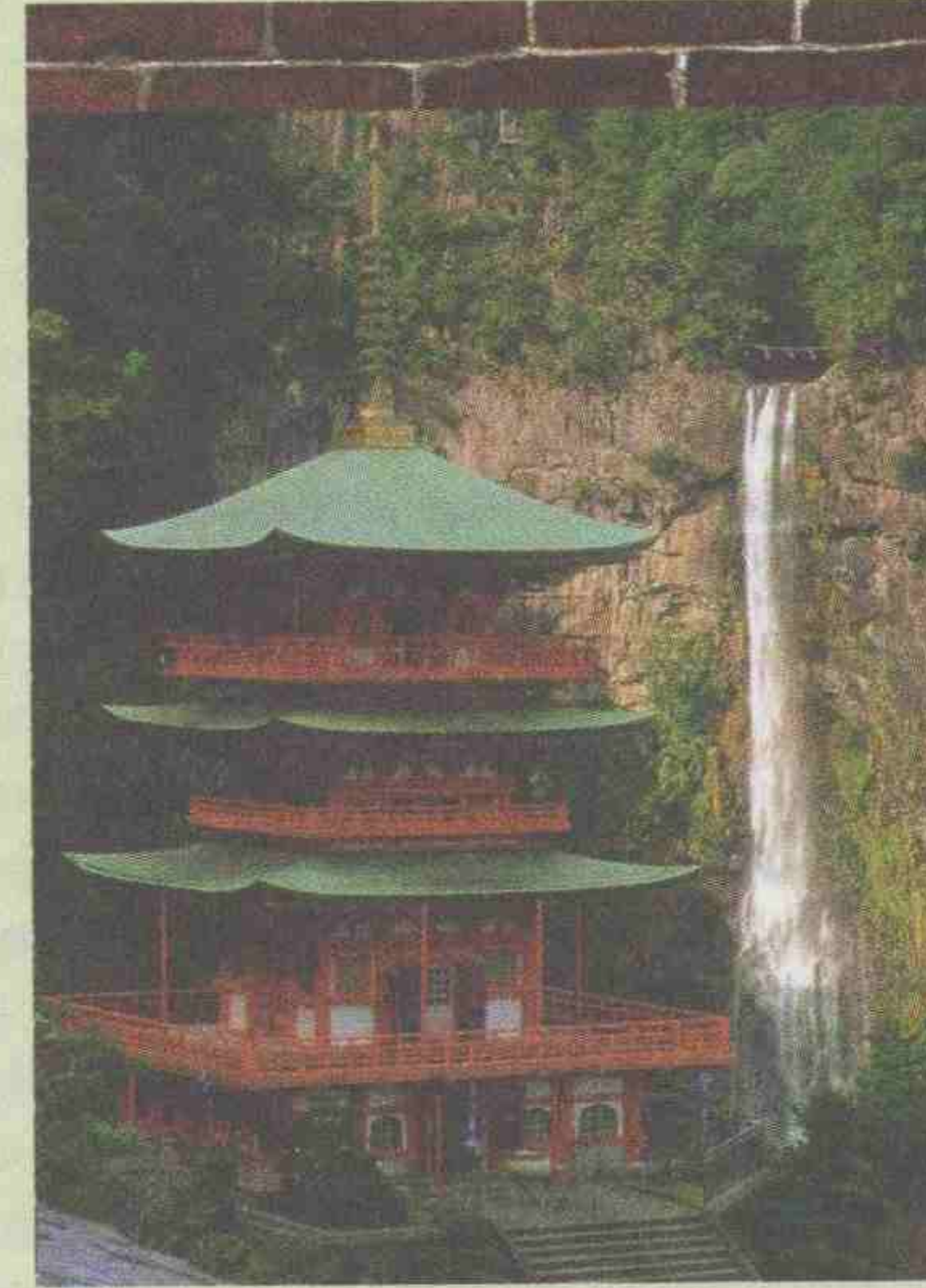
И все-таки не стоит думать, что развитие человеческого жилища шло по унылой прямой: за пещерой – землянка, за землянкой – дом из кирпича-сырца, за ним – палаты каменные, Бродвей и Новый Арбат. Очень часто землянка существовала как бы параллельно с более «продвинутым» жильем – когда не было средств, человеческих рук или подходящих материалов, чтобы устроиться по-

Такой дом собирают за несколько часов. А разбирают еще быстрее.

Дом на сваях. Такие дома обычно строят в заболоченной местности.

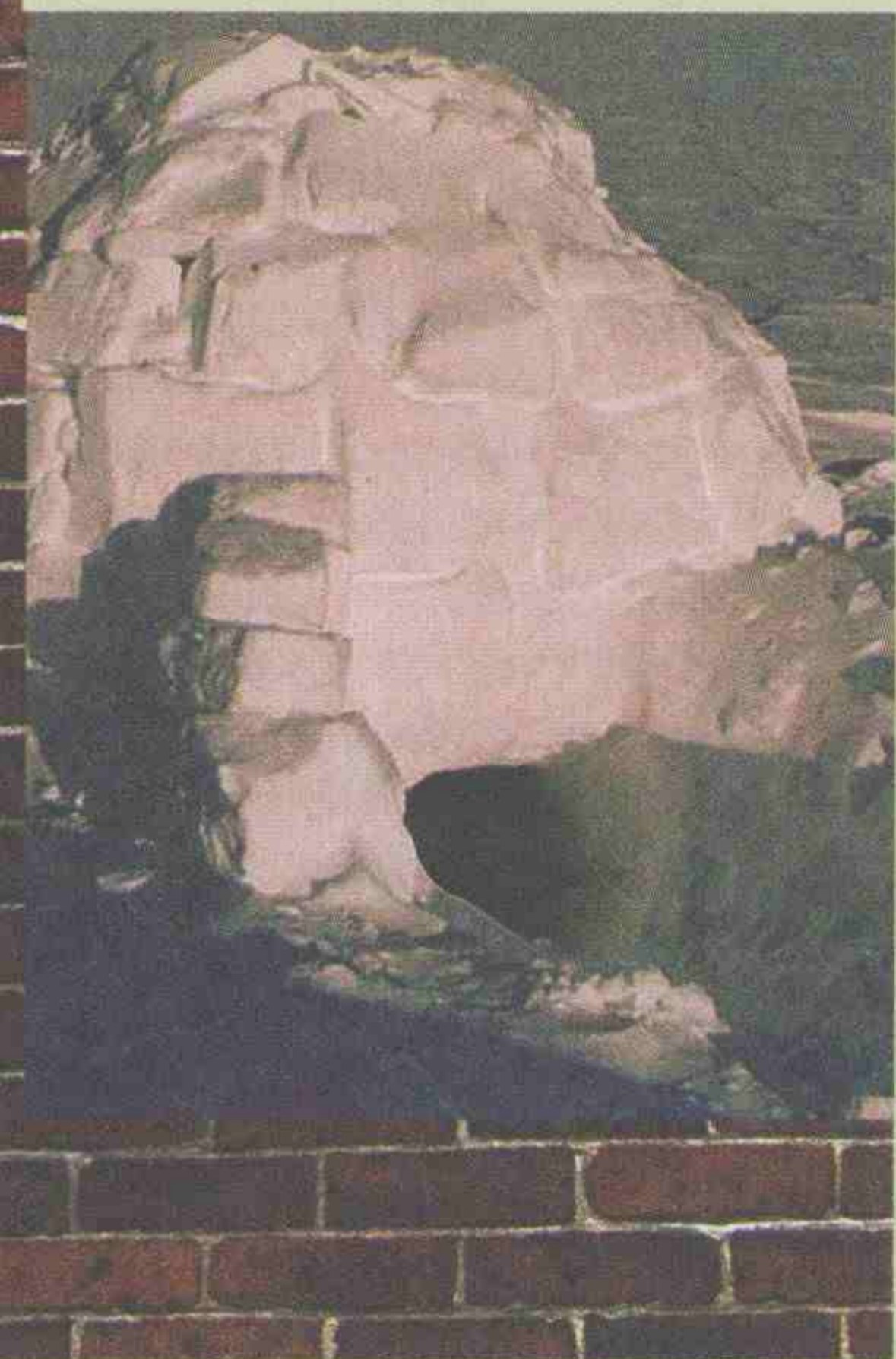

Закругленные крыши помогали собирать дождевую воду.

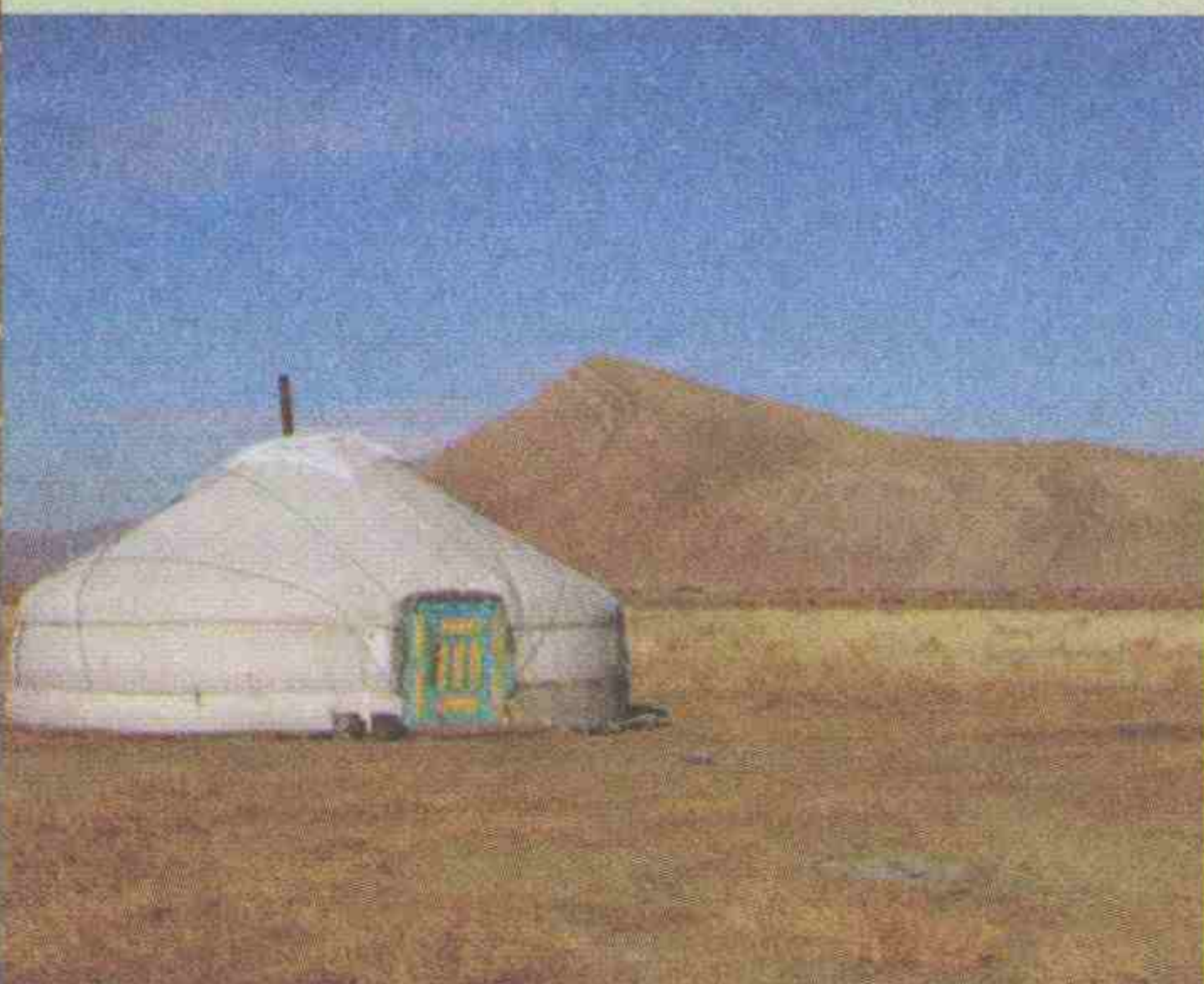
В пещерных домах достаточно отгородить уже готовые ниши.

Знаменитые эскимосские иглу – дома из снега.

Монгольские юрты были почти такими же и тысячу лет назад.

лучше. Тут-то и пригождалась древняя конструкция. С землянок начинались черноморские колонии весьма искусных в строительном деле сынов Эллады. В землянках – после разгрома варварами Римской империи – жили обитатели некогда блистательных городов Европы. В землянках хранились уцелевшие после татарского разорения владимирцы, суздальцы, киевляне, рязанцы, черниговцы... С землянок начиналось строительство Петербурга. Да и вообще даже в относительно благополучные времена землянка долго оставалась пристанищем самой беспросветной бедноты. Помните «апартаменты» старика со старухой из «Золотой рыбки»? «Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года»...

Что же осталось в нашем сегодняшнем жилище от наидревнейшего палестинского «пра-дома»? Самое главное. Стены. Когда-то стена была одной-единственной – она замыкала грубо очерченный круг или овал. Дом-то ведь был круглым! Ограниченный четырьмя стенами прямоугольник появился позднее. Зато утвердился он почти безраздельно. Архитектурный «круг» на веки вечные остался за храмами, мавзолеями, амфитеатрами как дань традиции, как память о далеком прошлом.

А вот что касается материала, из которого возводились стены, то тут все зависело от местных условий. Если под ногами повсюду валялся камень, как на Кавказе, – то как вы думаете, – из чего здесь строили дома и боевые башни? Если в распоряжении строителей оказывался один лишь камыш, – на болотистых берегах появлялись камышовые хижины. В «бамбуковых» местностях жилища поблескивали глянцевитыми суставчатыми срубами. В степных просторах Украины и Бессарабии белели глиняные мазанки – строительный материал лежал прямо под травой, на глубине лопаты.

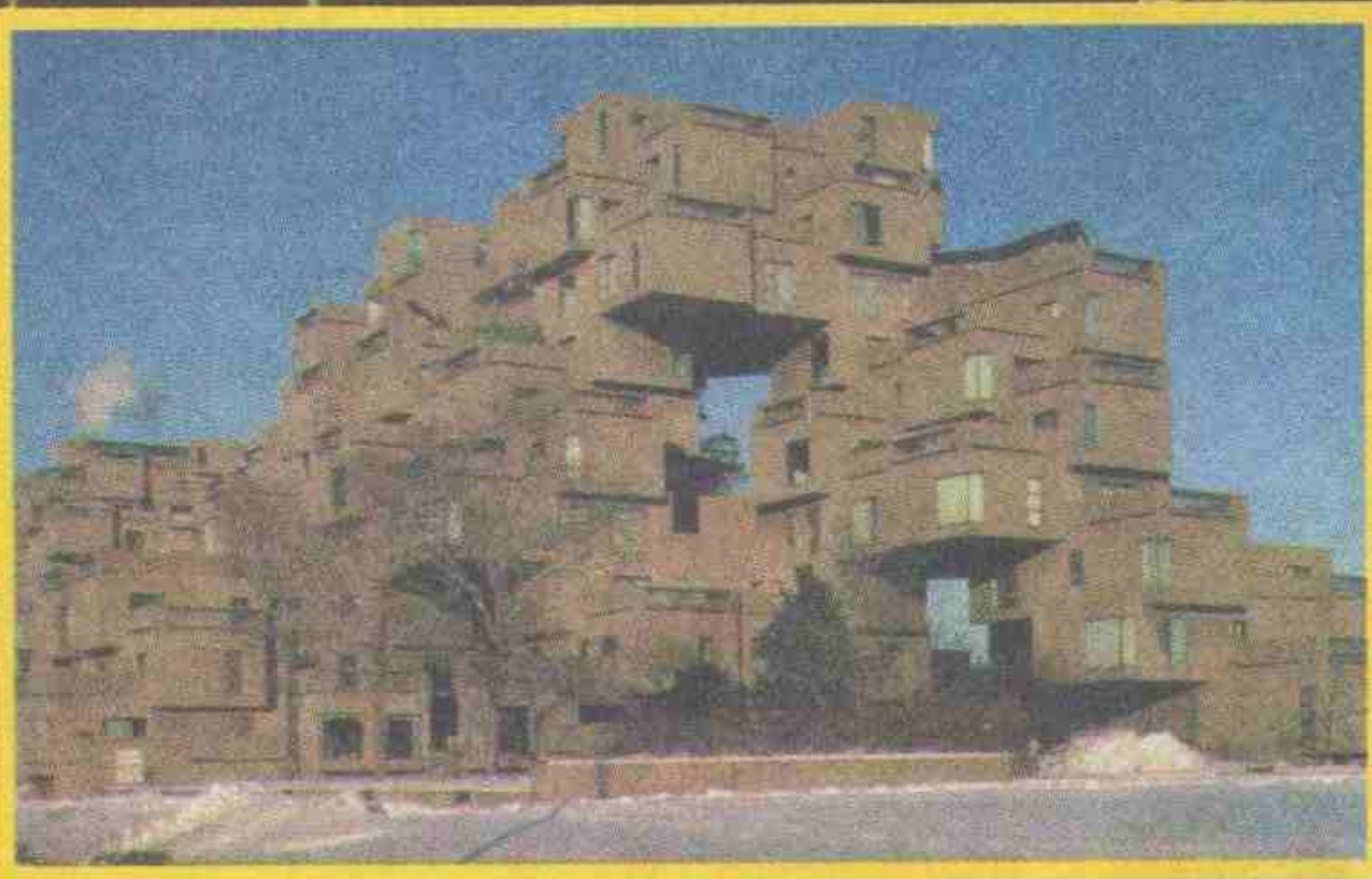
То же самое можно сказать и про материал для кровли. Крыши из дерна, из ржаной и ячменной соломы, из тростника, из камня-плитняка, из черепицы, из пальмовых «метелок»...

И, разумеется, из высеребранных дождями и временем деревянных плах-«лемехов». Мы ведь не случайно так долго не заговаривали про главный строительный материал России. О нем – особый разговор. Хотя из дерева строят не только у нас. Весь север Европы некогда был застроен деревянными городами и селениями. Многие до сих пор радуют глаз – как красивейшие деревянные –

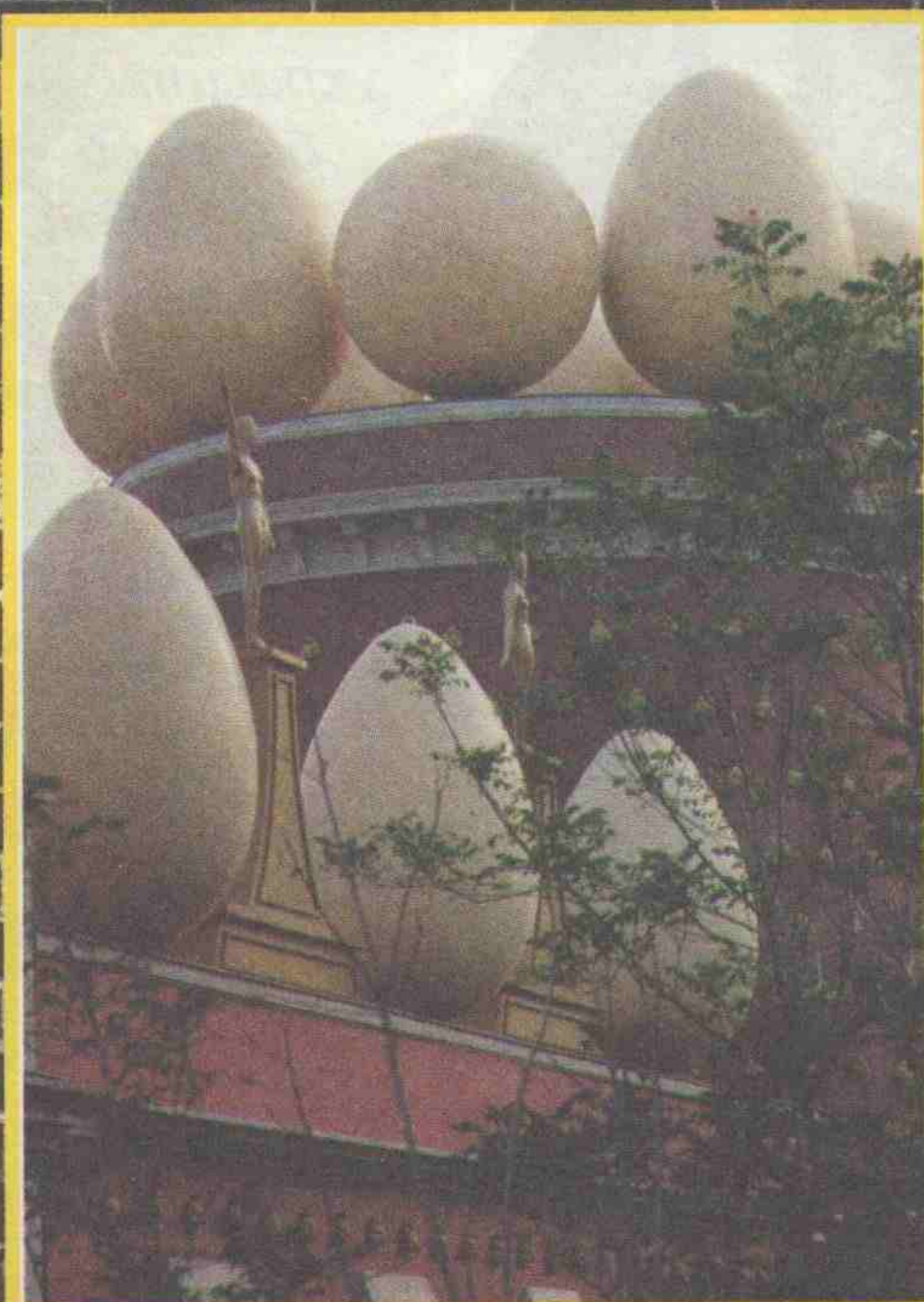
Фронтон, выходящий на городскую улицу, был «визитной карточкой» хозяина дома. Поэтому его всегда старались украсить богатой резьбой.

Этот дом-«пузырь» построил для себя на юге Франции известный модельер Пьер Карден. В конструкциях дома нет ни единого прямого угла, ни одного перпендикуляра. Только изгибы и плавные закругления. Кардену нравится!

Внизу – дом-«яйцо», построенный по проекту знаменитого фантазера Сальвадора Дали.

ные дома в озерной Финляндии или изукрашенные богатой резьбой храмы в Норвегии. Знаете, сколько их здесь? Не менее тысячи двухсот!

И все-таки Россия – едва ли не главная «деревянная» страна мира. Из дерева у нас делалось почти все – хозяйственные постройки, бани, телеги, переправы на реках, баржи, мостовые в городах, храмы в деревнях, посуда в доме, сельскохозяйственные орудия, детские игрушки... Даже велосипеды!

А венец всему – русская деревянная изба. Рубленый из мощных лиственничных кряжей пятистенок, как в Сибири, целый «городок» под общей крышей, как на Вологодчине, или изба поменьше, зато посветлее, – как в средней полосе России.

Строительное дело требует сноровки и умения в принципе. Ни в одной точке Земли постройку дома не доверят человеку малоопытному и не слишком сведущему. Везде стараются пригласить настоящих профессионалов: если плотник – то настоящий, если каменщик – то грамотный, если печник – то надежный.

Но работа с деревом требует особого умения. Начнем с того, что лес для постройки годился не всякий: сперва нужно было правильно выбрать лесину и пометить ее особой зарубкой. Дерево надлежало валить исключительно зимой, когда ствол крепко «спит». Даже для перевозки существовали особые правила! А «венцы» класть? Бревно укладывали таким способом, чтобы снаружи оказалась та сторона ствола, которая у живого дерева «смотрела» на север. «Южный бок», соответственно, становился внутренней стороной стены. А вот почему старались поступить именно таким способом, – это уж вы сами сообразите. Догадаетесь – напишите в редакцию, а мы проверим: так ли?

Углы избы рубили разными способами: «в чашку», «в лапу», «с зубом»... И вот она стоит – нарядная новенькая изба, всей деревне (ясно, откуда слово взялось?) на загляденье. Даже щепу подгрести не успели. В этой избе будут жить поколения – играть свадьбы, растить детей, сеять хлеб, провожать на погост стариков... Странное дело – я видел на Севере полностью обезлюдившие деревни – грустное зрелище. А жилой дух из покосившихся пятистенок до сих пор не выветрился. Вот какова мощь простой избы, привыкшей верно служить своим ушедшим хозяевам.

Но вот пришло время, когда людям надоело «традиционное» строительство. Все тот же камень, все тот же кирпич, все та же черепица, все то же дерево... Нужны новые, легкие и одновременно – необычайно крепкие материалы, которые преобразят облик городов и селений. И тогда, наконец, наступит счастье. Человеку останется одно – блаженствовать.

Все были безумно рады, когда простой французский садовник, применив щелочную реакцию, изобрел искусственный камень – бетон. Точнее сказать, изобрел он его «в очередной раз». Ведь «застывающий камень» был ведом еще во времена римских акведуков. Но был тот материал не слишком прочным, легко разрушался под воздействием воды и ветра. Вновь изобретенный бетон оказался невероятно крепким и удобным в работе. Теперь поверхностям можно было придавать любую форму – делать их закругленными, ступенчатыми, волнистыми, зигзагообразными... С бетоном работали великие зодчие – Оскар Нимейер, Ле Корбюзье... Дома потянулись ввысь, пронзая островерхими крышами облака. Появились дома-«квартилы» и дома-«города»...

А потом пришла пора «индустриального строительства». Дома научились составлять, как складывают детали вашего любимого «Лего» – целыми секциями. Вслед за бетоном начали появляться и другие искусственные материалы. Прежде всего синтетические. Начали говорить о грядущей революции в градостроении: еще немного – и человек переберется в жилье из пластмассы. Но... почему-то не очень здорово получалось с окончательным и бесповоротным счастьем. Человеку было не слишком уютно среди огромных бетонно-стеклянно-алюминиевых пространств, на фоне которых он сам себе казался жалкой пылинкой. Его подавляла индустриальная безликость новых конструкций. Старые деревянные дома с мансардами и палисадниками уже не казались ему убожеством.

К тому же новые отделочные материалы оказались совсем не безопасными. В бушующих пожарах люди погибали не от огня, а от ядовитых веществ, выделяемых при горении новейших синтетических утеплителей, перегородок и покрытий. Потом у горожан начали появляться болезни, о которых он раньше даже не подозревал. Многие из них стали следствием неэкологических строительных материалов. В нескольких европейских городах пришлось снести супер-современные здания, находиться внутри которых было опасно.

И человек стал... вспоминать. Он отыскал на антресолях, среди старых лыжных ботинок и потускневшей еловой мишуры, забытые детские рисунки. И принялся их увлеченно разглядывать: «А что? Не так-то уж все и глупо было. Четыре надежнейшие стены, островерхая двухскатная крыша, симпатичные окошки, дымок над трубой, убегающая вдаль тропинка...» Посмотрите на уютные пригороды, опоясавшие без меры расплзшиеся города. Ну прямо как с детской картинки!

Но и фантазия у архитекторов не истощилась. Иногда они такое изобретут! Знаменитый художник Сальвадор Дали придумал себе «дом-яйцо». Раз увидишь – век не забудешь. А знаменитые московские дома Мельникова и Гинзбурга? А «дом-утюг» в Нью-Йорке?

Все они – как модели «высокой моды». Никому не придет в голову каждый день их надевать, но и без них скучно было бы. Разве не так?

«ЧЕРНОЕ» ЧУВСТВО

«Раньше я никому не завидовала, потому что была еще маленькая». (Соня, 13 лет, г. Гдов).

Не бойся сказать
Говори!

Исправляем только ошибки

ЖИВУ И ПОМНЮ

ЖАЖДА

Я очень хорошо знаю, кому и чему завидую. Тем, у кого все есть. Они думают, что это все им от бога досталось. А ведь им всего-навсего повезло с родителями. Отец работает на крутой фирме или мать квартирами торгует. Вот они и чувствуют себя королями. Скоро я опять их увижу после каникул, «аристократию» класса. Будут рассказывать, кто приехал из Египта, а кто из Греции. И пузыриться от чванства. А я все лето «пасла» Катюку (это моя младшая сестра).

Моя мама работает в этой школе медсестрой. Потому я в нее и хожу. И еще близко. А так в ней одни дети богатеньких учатся. Я думаю, что в Москве уже все школы поделились на «только для белых» и для «быдла».

Но я их не ненавижу. Я им... завидую. Раз у нас вся страна такая, значит остается один выход: стать такими, как они. Любой ценой.

Настя ГОТОВЧЕНКО, г. Москва.

«СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ...»

Я - ИЛИ...

Пока она не перешла учиться в наш класс, я считалась самой симпатичной девочкой класса. Меня всегда выбирали вести вечера и дискотеки, а пацаны просили друг у друга мой телефон, даже из старших классов.

Потом ее отца перевели служить в наш гарнизон. Так она у нас и оказалась. В ней нет ничего особенного, и одевается она хуже меня. Просто ведет себя с пацанами развязно, вот они от нее и тащатся. Даже не развязно, а как-

то так, что они все время крутятся около ее парты. И вот недавно у нас был ежемесячный тест-рейтинг, и ее признали самым интересным человеком класса. А как же я? Разве это справедливо?

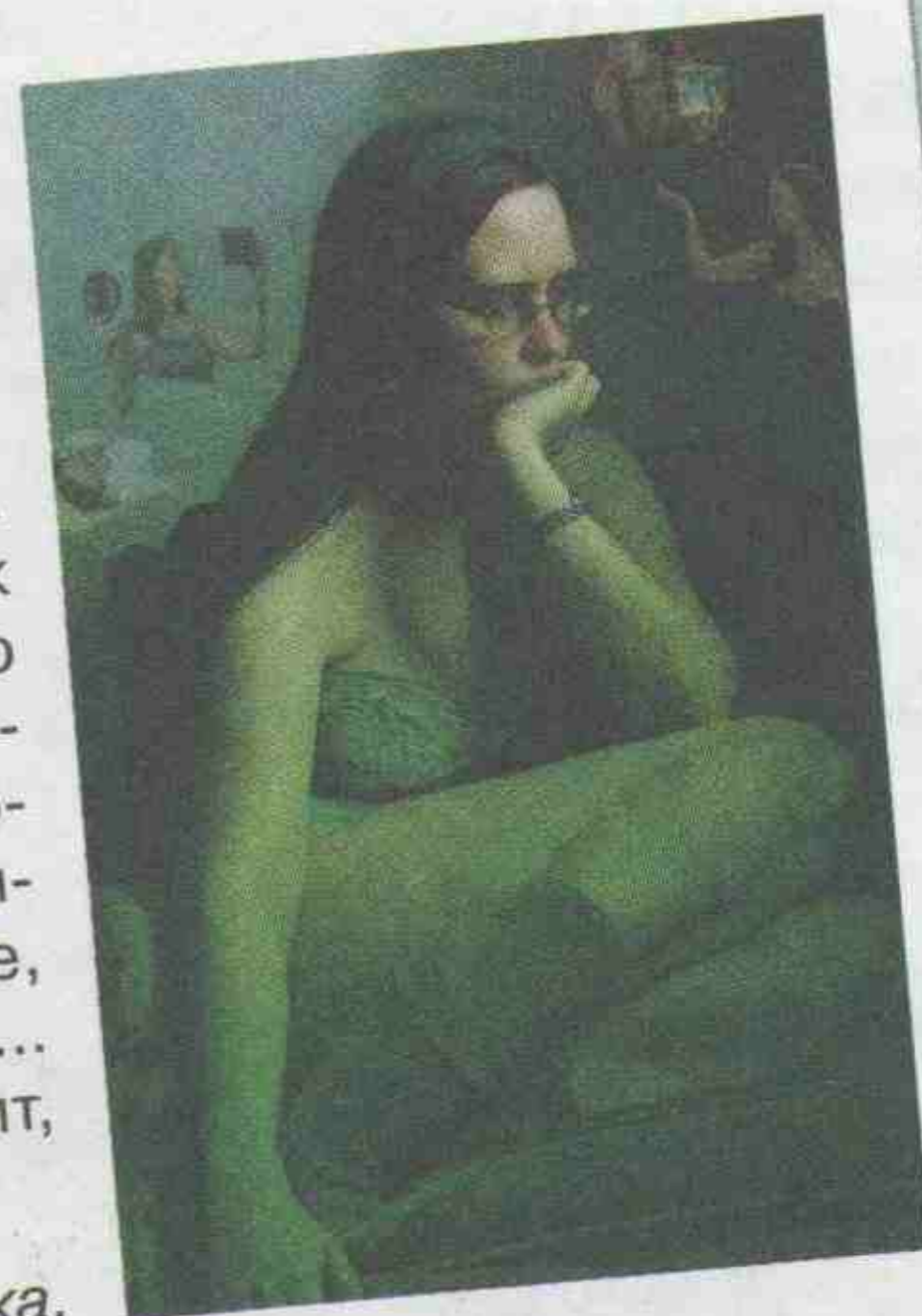
Марьяна ДЕМЕНЕВА,
Мурманская область.

ЗАВИДУЮ... РОДНОЙ СЕСТРЕ

САМА ВИНОВАТА!

Большее всего я завидую своей родной сестре. Она ничего не боится, ведет себя со всеми легко. А у меня какая-то дурацкая робость. Стану у стены и стою, как столб. Главное, знаю, что сказать, нормально выгляжу и танцую неплохо. Я потом в уме все прокручиваю – выходит не хуже, чем у других. А на людях... Ленка смеется, говорит, что я сама виновата.

А.Р.Д., г. Ивантеевка.

Юля ДИДУР живет в Ставропольском крае, в селе Александровском. Она уже давно сочиняет стихи, рассказы, сказки. И даже дважды печаталась в местной газете.

Молодец, Юля. Нам такие люди нужны. Поднимайся на борт «Кораблика». Рады новому знакомству!

Причуды любви

Причуды любви –
Как причуды природы:
Дождь – это слезы,
А гром – это гнев.
Страсти любви –
Как непогода.
Разбушевались –
И стихли...

* * *

Клоун

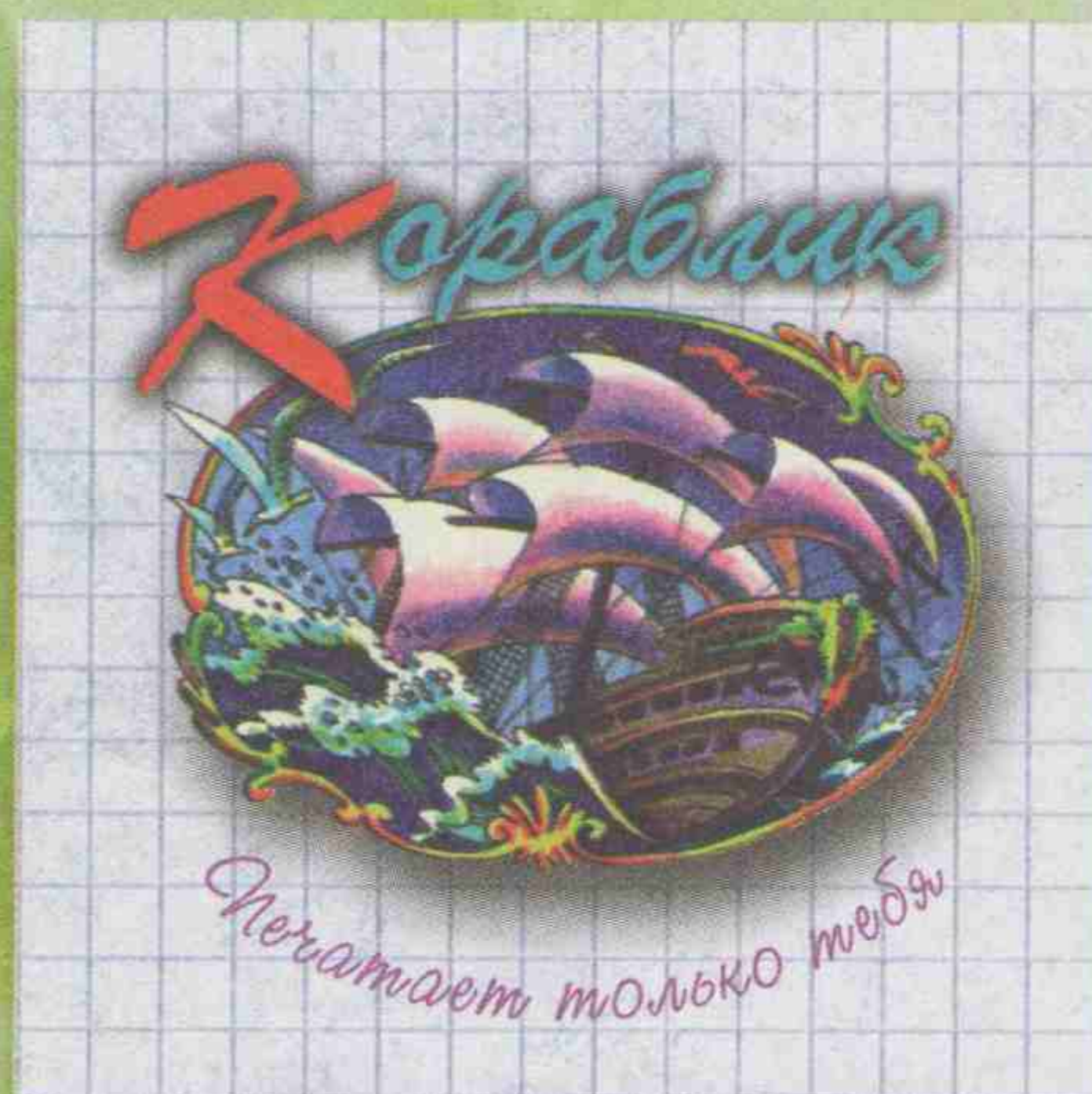
Цирк.
Арена.
Шум и гам.
Выбегает клоун.
Он умеет все на свете!
Его очень любят дети.
И жонглер,
И дрессировщик –
На все руки мастер он.
Король смеха –
И веселье
Принесет он
В каждый дом.

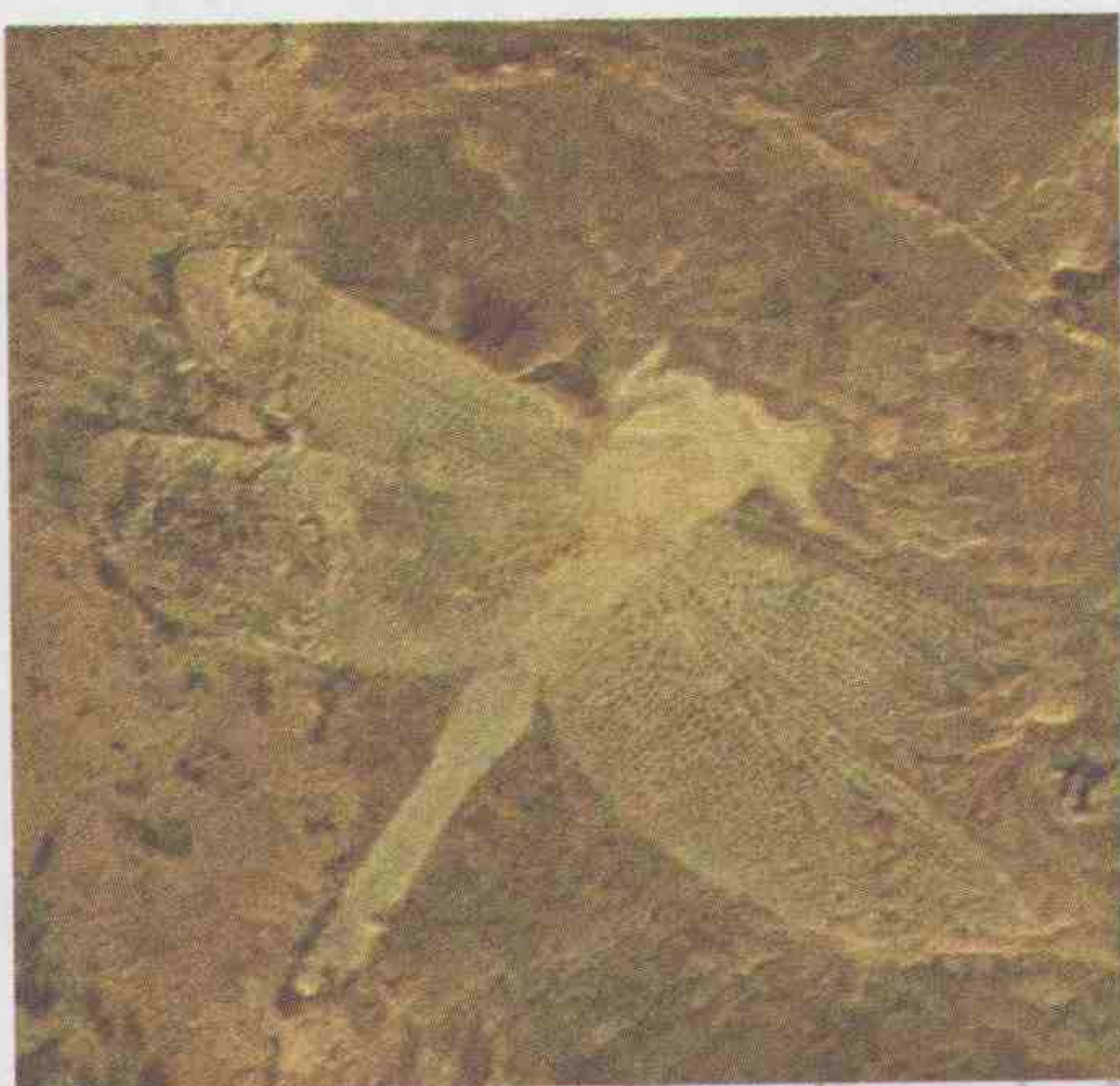
* * *

Тайны природы

Капля дождя
Упала на цветок.
Бабочка вспорхнула.
Полетела на восток.
Солнце из-за леса
Выглянуло вдруг.
Озарилось светом
Все вокруг.
Угоняет тучки
Легкий ветерок.
Бабочка вернулась.
Села на цветок.

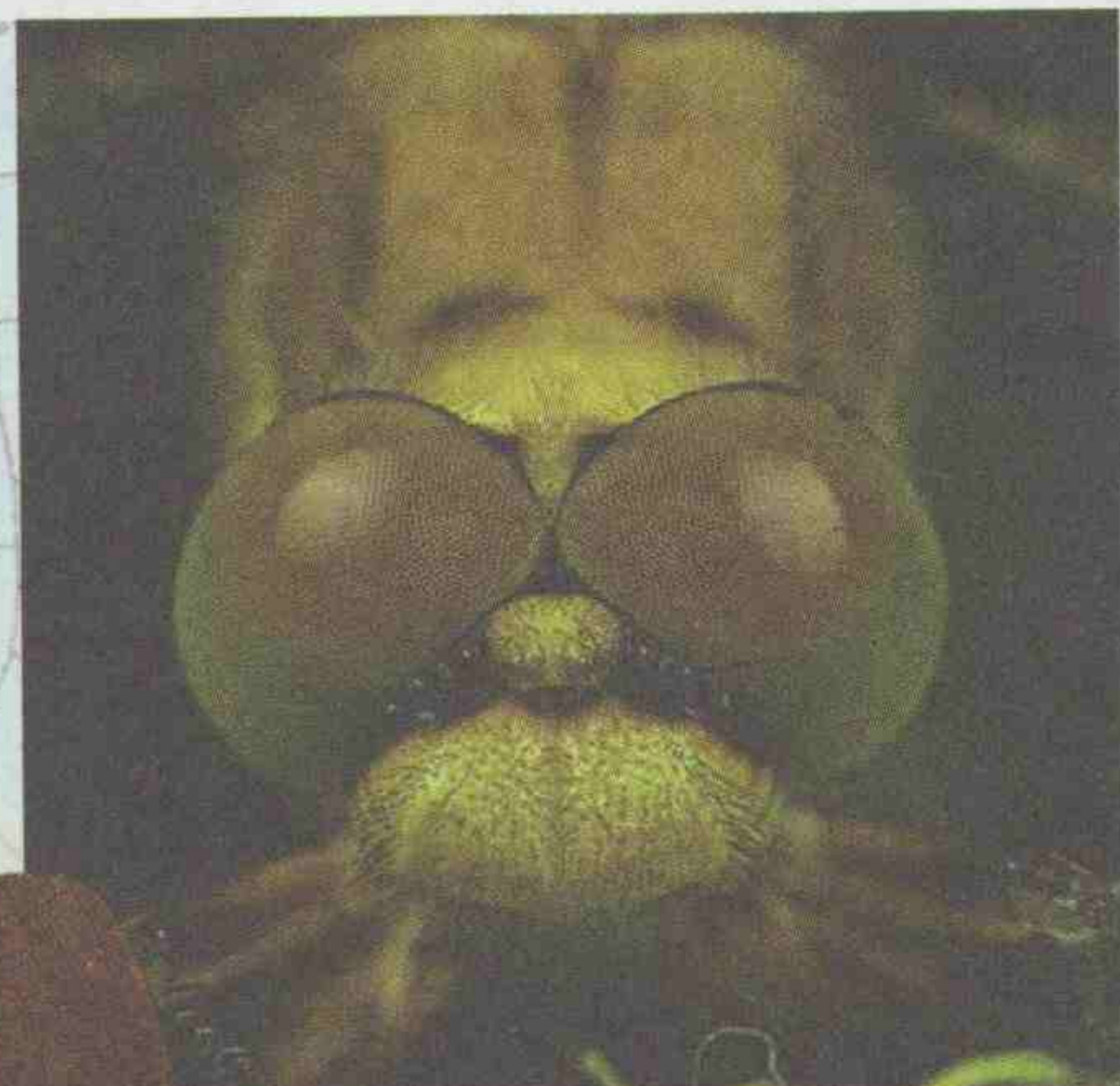
* * *

Оказывается, науке известно более 3 тысяч видов стрекоз. Большинство из них – выдающиеся летуны и воздушные акробаты. Некоторые развивают скорость до 50 километров в час и могут тащить добычу весом вдвое больше собственного. Ни одной машине такое не под силу!

Стрекозы способны летать на огромные расстояния. В Карибском море их встречали за 500 миль от берега.

Оказывается, стрекозы населяли Землю уже 300 миллионов лет назад. Своими выпуклыми глазами они видели, как появлялись и вымирали динозавры, как встал на обе ноги наш предок. Первые стрекозы были огромными. У некоторых видов, судя по ископаемым останкам, размах крыльев достигал без малого 90 сантиметров!

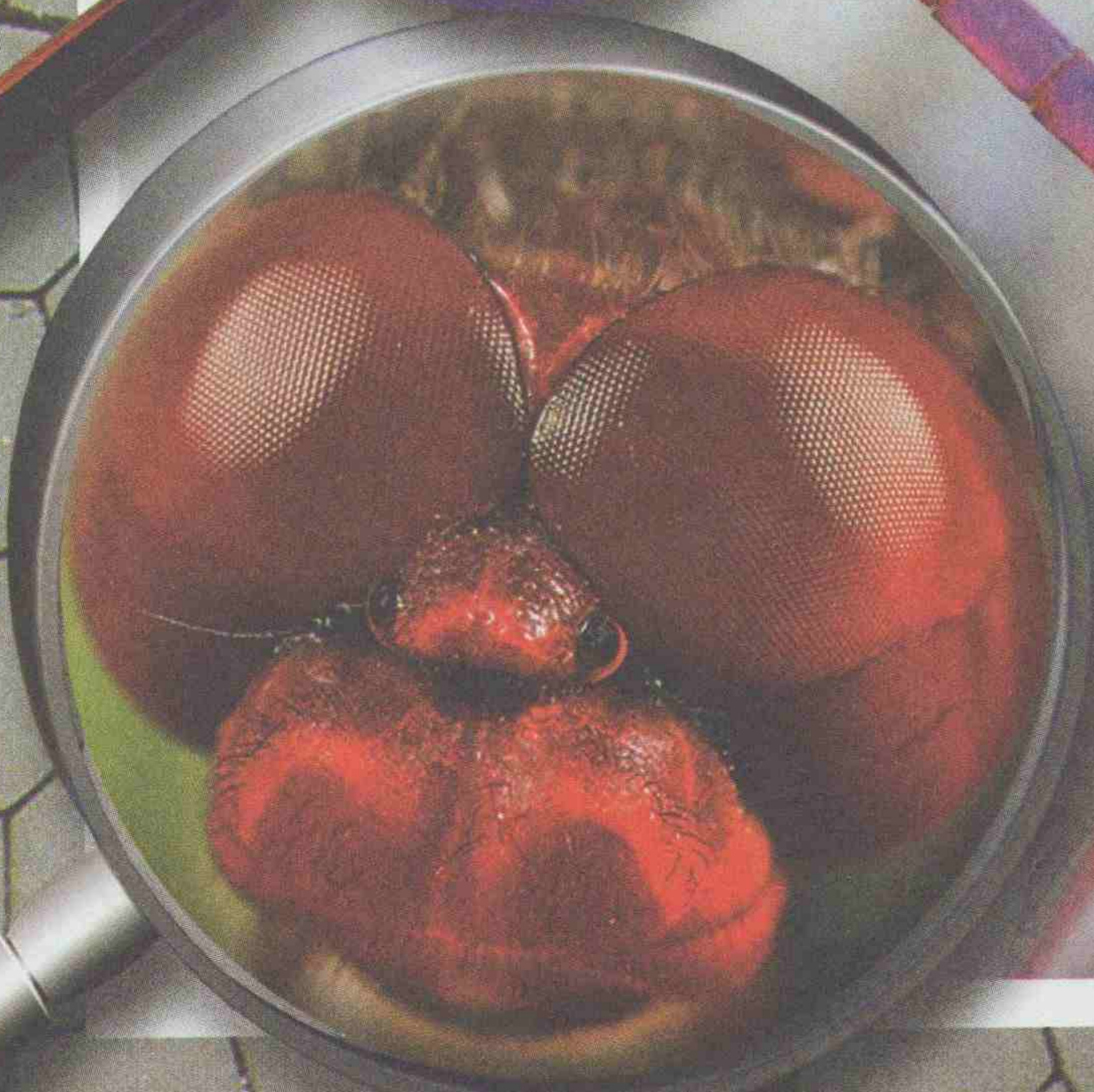

Оказывается, стрекоза абсолютно глуха и почти не различает запахов. Зато она отлично видит. Угол обзора – почти 360°. Глаз сложный, фасеточный, он состоит из 30 тысяч «линз»-омматидиев.

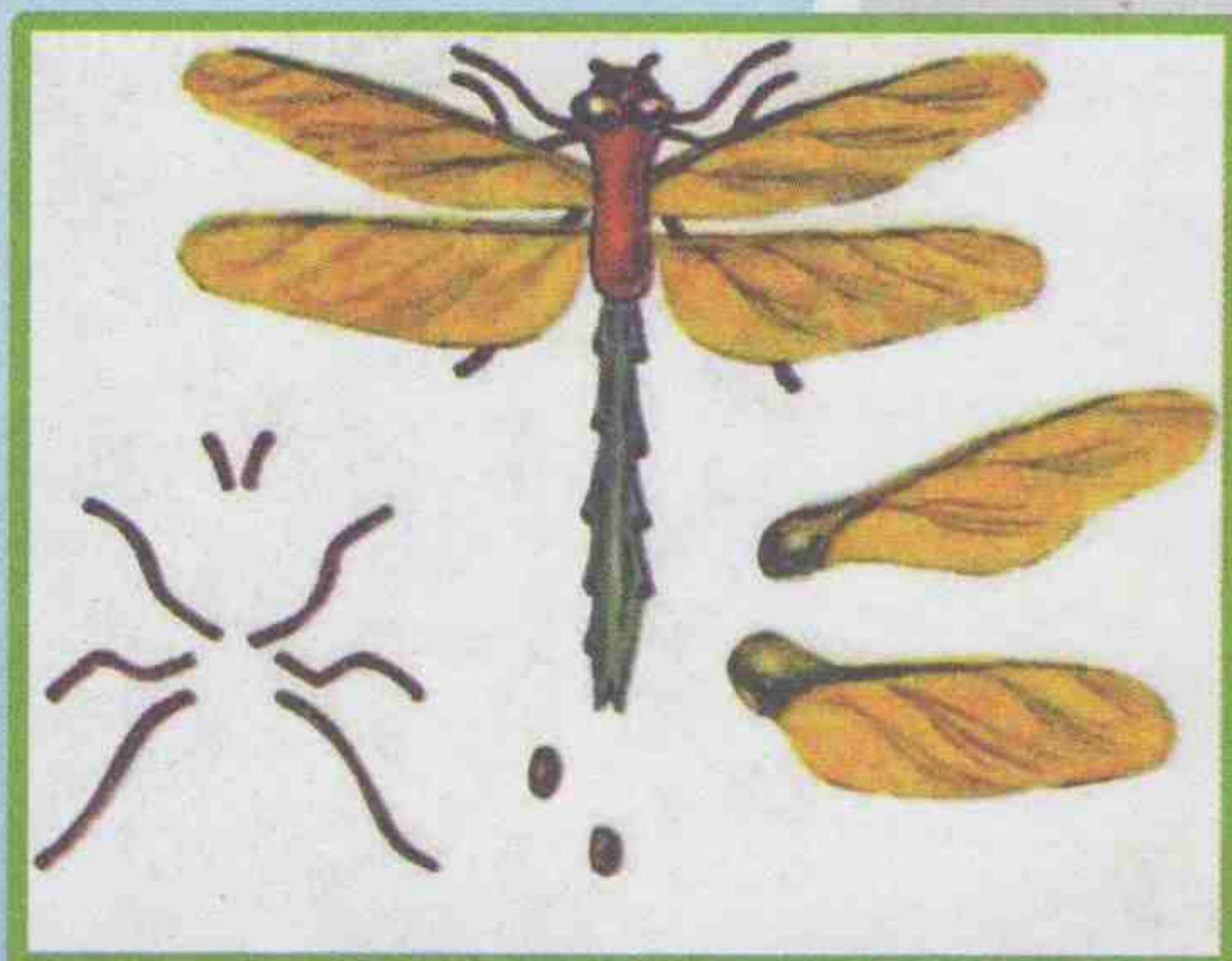
Оказывается, стрекозиные крылья двухслойны. Они пронизаны сетью соединительных жилок.

Стрекоза

МАСТЕРСКАЯ

Справа – так выглядела «доисторическая» стрекоза.

А хотите сами стрекозку сделать? Крылья – семена клена, брюшко – из пластилина, хвост – веточка, глаза – семечки яблока, усы и лапки – из проволоки.

Вот и все!

Оказывается, стрекоза – один из самых жестоких хищников мира насекомых. Обычно стрекозы охотятся днем, по берегам водоемов. Они легко схватывают на лету комаров и мошек, причем в немислимых количествах. Пасть милой с виду летуньи удивляет своими огромными размерами. Настоящий летающий «волк»! Что и хорошо: стрекоза добросовестно избавляет нас от общества кровососущих.

Оказывается, среди многочисленных врагов стрекоз – не только птицы и лягушки. Справа – стрекоза «влипла» по-крупному. В прямом смысле. Ее поймала липкая росянка, растение-«вампир». Пропала бедная стрекоза, совсем пропала!

Оказывается, великий баснописец И.А.Крылов, сочиняя «Стрекозу и Муравья», имел в виду совсем другое насекомое. О чем ты прочитаешь в этом же номере.

Оказывается, авиастроение обязано стрекозе изобретением вертолета. Крылья у стрекозы «бимоторные», обе пары – рабочие, и каждую обслуживает своя группа мышц. Скопировали. Во-вторых, маневры в воздухе. Знаменитый изобретатель Сикорский снимал стрекозиный «пилотаж» на пленку и потом анализировал.

Махаче

ЗВОННЫ

Ко 2-й странице обложки

Странное название – Каргополь. В нем явно слышится греческий корень: *полис* – город. На юге, ближе к грекам, этих самых *...полисов* не сосчитать: Симферополь, Ставрополь, Мелитополь, Севастополь, Томашполь...

Но скажите на милость, откуда было взяться грекам здесь, на севере Руси, – за болотами, топями да унылыми редколесными пространствами?

А греки тут и ни при чем. Ведь раньше Каргополь в два слова писался: Карго Поле. С *полем*, надеюсь, все понятно. А вот что такое *карго*? Предположений на сей счет хватает. Вот самая простая версия. *Карго* на северном наречии означает... *ворона*.

И что же получается? *Воронье Поле* получается. Вот это уже ближе к истине. Ворон над каргопольскими храмами – тучи. Но это – лишь одна из догадок. Точнее про Каргопольскую стародавнюю историю ничего сказать невозможно. В XVIII веке город сгорел дотла – пожар испепелил его до по-

следней избы. Пропал и богатейший рукописный архив, хранившийся в одном из монастырей. Сам Гаврила Романович Державин, бывший не только знаменитым пиитом, но и видным царским сановником, губернатором Олонецкого края, явившись на пепелище, ужаснулся увиденному.

Нынешний Каргополь – городок маленький, неспешный, пыльный, а зарядят дожди – сами понимаете. В нем и полутора десятков тысяч жителей не наберется. Если смотреть сверху, с колокольни Христорождественского храма, – вы увидите разлитое море горбатых крыш над темноликовыми деревянными срубами. Вдали – огромное озеро, вытекающая из него речка Онега... И еще – несколько старинных церквей, удивляющих приезжих красотой и гармонией.

Здесь все друг друга знают. И знают все друг о друге. Поплыл над Каргополем тягучий, приглушенный туманом колокольный перезвон. «А что, Васильевна, – кричит че-

рез дорогу соседке строгого вида бабуленция, – Олег из Архангельского давно вернулся? Я смотрю, всю неделю не звонил».

Все верно. Десять колоколов от души радуются возвращению Олега Пантелеева. Так-то он в музыкальной школе преподает, но три часа пробьет – и педагог поднимается на звонницу: «Бам-м-м...!»

А еще в Каргополе замечательное милицейское начальство. Майор милиции, гроза местных выпивох и хулиганов, – великий мастер плетения из бересты. Впрочем, я в Каргополе давно был, может, к этому времени его куда-нибудь на повышение взяли.

Кто бы мог подумать, что этот маленький сонный городишко когда-то относился к богатейшим и славнейшим городам Руси! То, что он ровесник Москвы, – еще полдела. Есть у нас города и городки куда старше столицы. Но в XVI веке английский посланник упоминает Каргополь в числе крупнейших торговых центров России – наряду с Москвой, Казанью, Астраханью и Новгородом. Город стоял на перекрестке дорог – водных и сухопутных. В старые времена его хоть с севера на юг, хоть с запада на восток – никак не объедешь. Не то, что теперь – железная дорога от Каргополя почти в восьмидесяти километрах проходит. До станции Няндомы приходится часа два в автобусе трястись, и то если повезет в него протолкаться. А какие были храмы в Каргополе! Какая богатая ярмарка!

Куда, вы спросите, подевалось все это великолепие? Петр Великий каргопольцев подвел. Россия утвердилась на Балтике, и старинный городок оказался в стороне от новых прямых дорог. Говорят, столетие спустя местные купцы-староверы не захотели, чтобы через их город шла «бесовская» железная дорога, – и захирел Каргополь окончательно. Куда что по-

девалось. В середине XIX века в нем числилось чуть больше 2 тысяч обывателей. Единственно, что привлекало в Каргополе, так это его... глухотность. Бежать отсюда было некуда, края суровые, неприятные, – вот и потянулись в Каргополь обозы со ссыльными и арестантами. Но это, справедливости ради, и в старину редкостью не было. Сиживали в Каргополе – в крепости, по окрестным монастырям да по земляным ямам – и опаль-

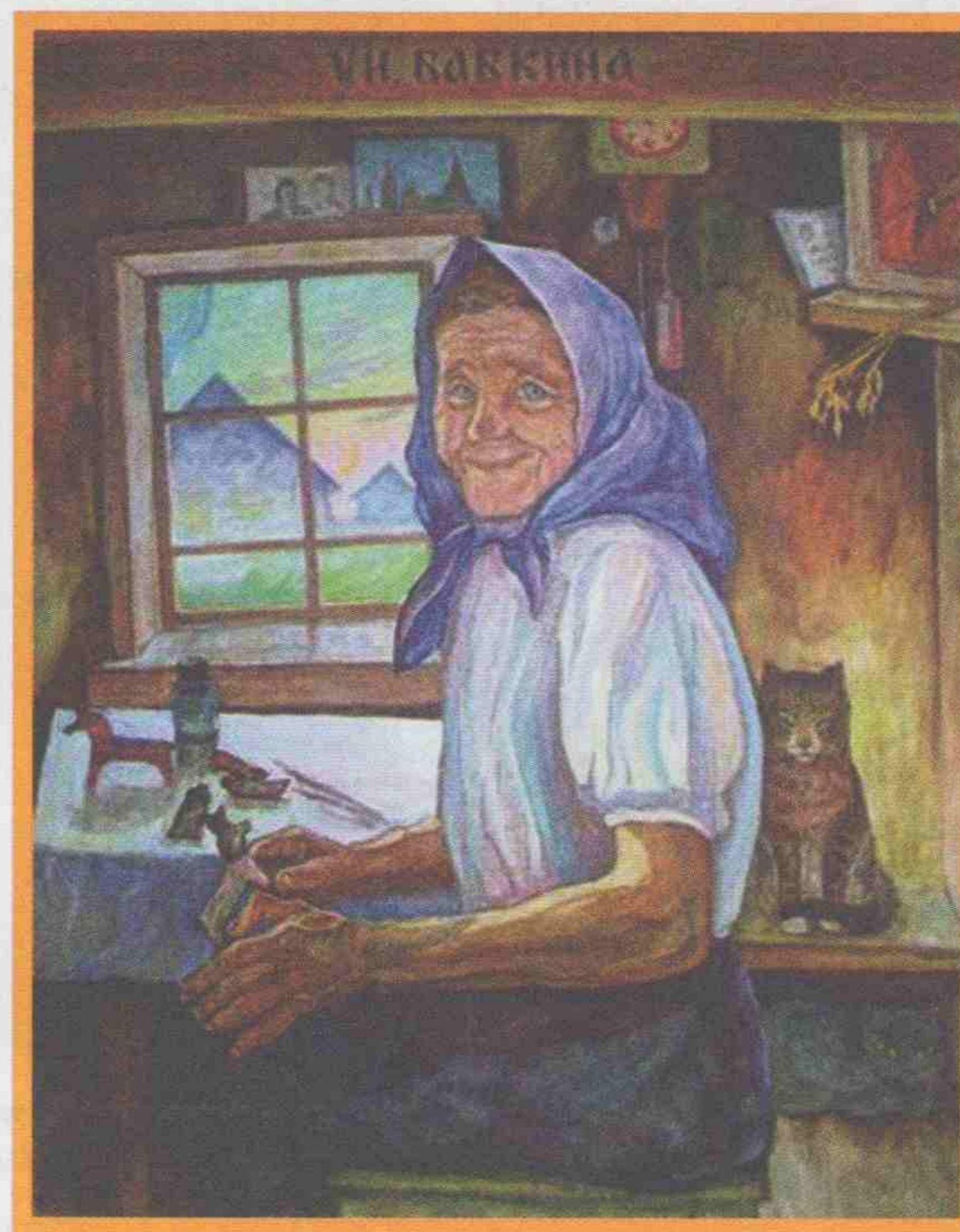
ные вельможи, и разведенные жены, и всякие смутьяны. Здесь пытали, ослепили и бросили в прорубь предводителя крестьян Ивана Болотникова. Здесь сложили головы лютые враги Бориса Годунова.

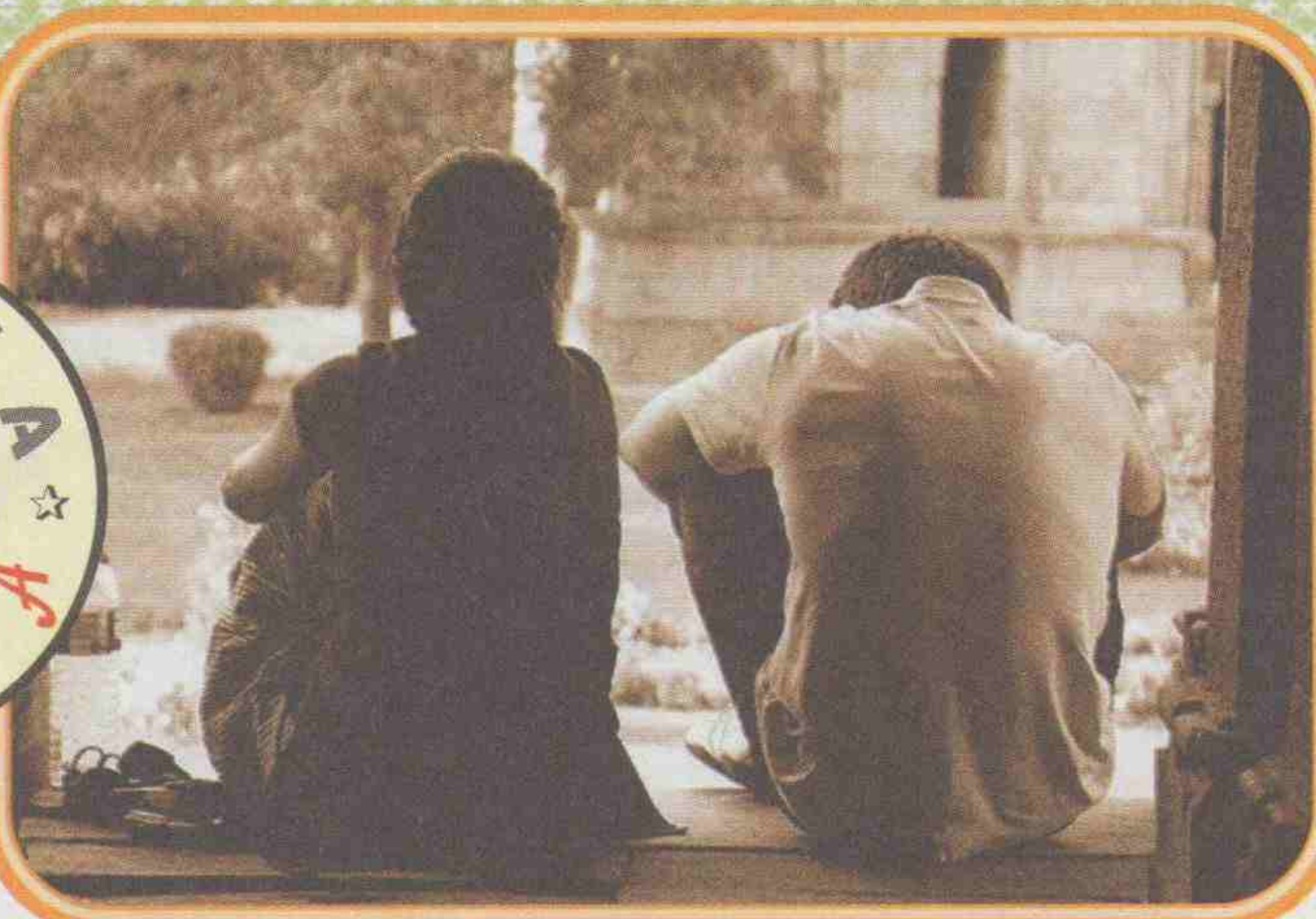
Может, так бы Каргополь и остался в числе городов, изживших свою славу, если бы не одна пустяковина. Простая глиняная свистулька. Она подарила городу новую известность. Да какую – на целый свет. Сегодня глиняную каргопольскую игрушку (*игрушцу* – говорят местные жители) мечтают увидеть с своих коллекциях крупнейшие музеи мира.

Все объясняется просто. Почвы вокруг Каргополя бедные, урожая от них не дожدهшься, зато глины –

первый сорт. Вот и наладили каргопольцы горшечный промысел. Из их горшков, мисок да чашек-плошек все Поморье и Обонежье едало. Срабатывает мастер десятков горшков, а потом, для отдыха, – глиняную свистульку. Или лошадку. Или же-

ниха с невестой. В каждой избе глиняной игрушкой дети забавлялись. А потом знающие люди пригляделись – и оказалось, что были среди игрушечников настоящие самородки. Как бабушка Ульяна Ивановна Бабкина. Вот она, – на картине. Чудесная мастерица была. Что ни игрушка – загляденье!

Хочу рассказать вам о том, чего и сама понять не могу. У меня есть парень, с которым мы дружим уже несколько лет. Видите, и такое бывает. Мне кажется, что он меня очень сильно любит, и я его тоже. У нас было много случаев в этом убедиться. Меня из-за него чуть не выгнали из дома, а его в нашем бандитском районе из-за меня излупили так, что....

Когда он уезжает на всю неделю (он учится в Нижнем, в колледже), я не могу себе места найти, так скучаю. А когда он приедет – мы тут же поссоримся. Иногда из-за пустяков, иногда – по делу. Ни разу не пропустили. Я говорю: «Скорей бы ты уехал!» А когда он в воскресенье уезжает – все, конец света наступает. И опять жду.

Что же это такое? Почему так происходит? Разве так должно быть? Я так от этого устала. И что – так всегда

будет?! Тогда это какая-то неправильная любовь!

Ира, Нижегородская область.

Почему так ПРОИСХОДИТ?

ХОЧЕШЬ ПОЛУЧАТЬ «ПИОНЕР»?

Выбирай любой вид подписки

Журнал можно выписать по одному из каталогов, которыми вы привыкли пользоваться. Подписка с любого месяца, в любом отделении связи.

НО УДОБНЕЕ И ВЫГОДНЕЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ ИЗ РЕДАКЦИИ. ПЛАТИТЬ ПРИДЕТСЯ МЕНЬШЕ, А ЖУРНАЛ БУДЕТ ПРИХОДИТЬ РАНЬШЕ.

Вам необходимо перевести оплату за выписанные номера на наш расчетный счет через любой банк. Стоимость одного экземпляра в 2007 году (вместе с пересылкой) – 34 рубля. В течение года цена не меняется. Если вы предпочитаете получать номера журнала заказным письмом, подписка будет на 2 рубля дороже.

Заполненную карточку вместе с копией

квитанции об оплате пришлите в редакцию. По вашему желанию заверенная печатью редакции копия карточки будет отправлена вам одновременно с первым выписанным вами номером журнала.

«Пионер» начнет приходить к вам, как только деньги за подписку поступят на наш счет.

СВОЙ АДРЕС ЗАПОЛНЯЙТЕ ТОЧНО И РАЗБОРЧИВО!

КАРТОЧКА

редакционной подписки на журнал «Пионер»
(действительна с квитанцией об оплате)

Стоимость подписки на 2007 год (включая пересылку):

Простым письмом (пакет):

Один номер - 35 р.; на 3 мес. - 105 р.; на 6 мес. - 210 р.

Заказным письмом (пакет):

Один номер - 37 р.; на 3 мес. - 111 р.; на 6 мес. - 222 р.

Адрес подписчика: _____

Фамилия, имя, отчество: _____

Прошу прислать следующие номера журнала «Пионер»:

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кол-во												

Всего номеров _____ Сумма _____ руб.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Получатель: ООО «Редакция журнала «Пионер».
ИНН 7714077516. Р. счет 40702810038090109809 в
Мещанском ОСБ № 7811 Сбербанка России г. Москва
Кор.сч. 30101810400000000225 БИК 044525225

Craig David
born to do it

DAVID

КИНО ПРО «ТАТУ»

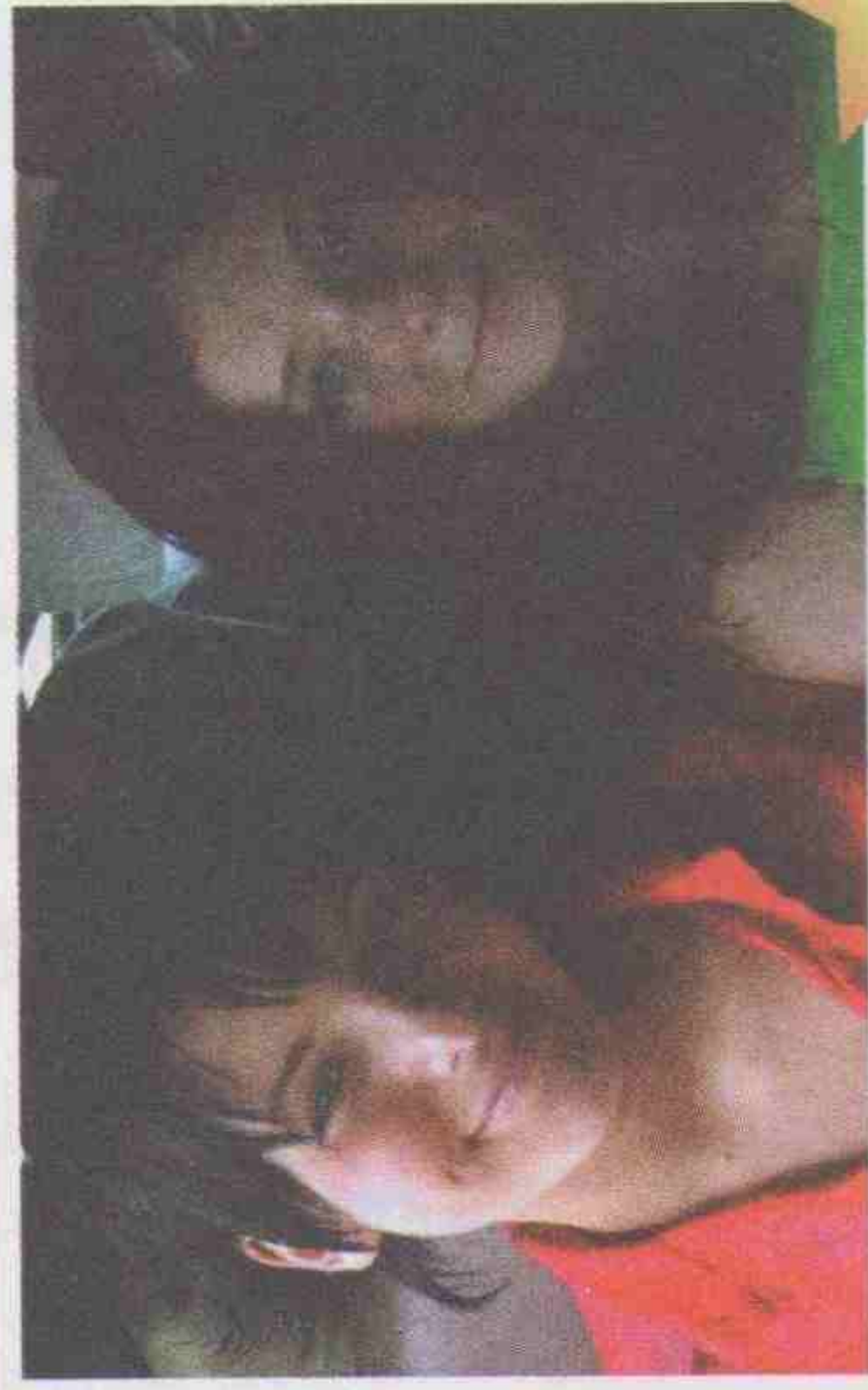
Ну вот, про «Тату» уже кино снимают. Оно так и называется – «В поисках т.А.Т.и.».

Это экранизация книги депутата-жириновца А.Митрофанова и писательницы А.Мойсеевой «Тату Кам Бэк».

Главные роли исполняют голливудские актеры Шантель ван Сантен и Миша Бартон, а Юля Волкова и Лена Катина играют самих себя.

В фильме рассказывается про двух девушек – семнадцатилетней американке и ее рус-

ской ровеснице из небольшого провинциального городка. Они встречаются в Москве, чтобы вместе пойти на концерт любимой группы «Тату», и странным образом оказываются в гуще совершенно невероятных событий. Фильм снимает известный режиссер Роланд Жоффе. Посмотрим?

ЗЕМФИРА: СПЛОШНЫЕ ТАЙНЫ

После долгого перерыва Земфира, наконец, дала концерт. В начале июня. После этого она собралась выступить еще и в рамках шоу «Школьный вальс» – вместе с группами Billy's Band и Esthetic Education. А уже в конце сентября увидит свет новый альбом Земфиры, записанный зимой в Лондоне. Об этом альбоме было много разговоров, но робота над ним шла так долго, что публика уже перестала верить, что он когда-нибудь появится. И вот, похоже, час пробил.

Название пластинки пока что держится в секрете. Очень даже может быть, весь секрет состоит в том, что названия альбома пока еще нет в принципе, – не считая рабочих вариантов. Не выбрана пока и композиция, на которую будет снят новый клип. Зато знаменитый «Мальчик» скоро выйдет аж в десяти версиях. И это уже никакая не тайна. Хоть что-то!

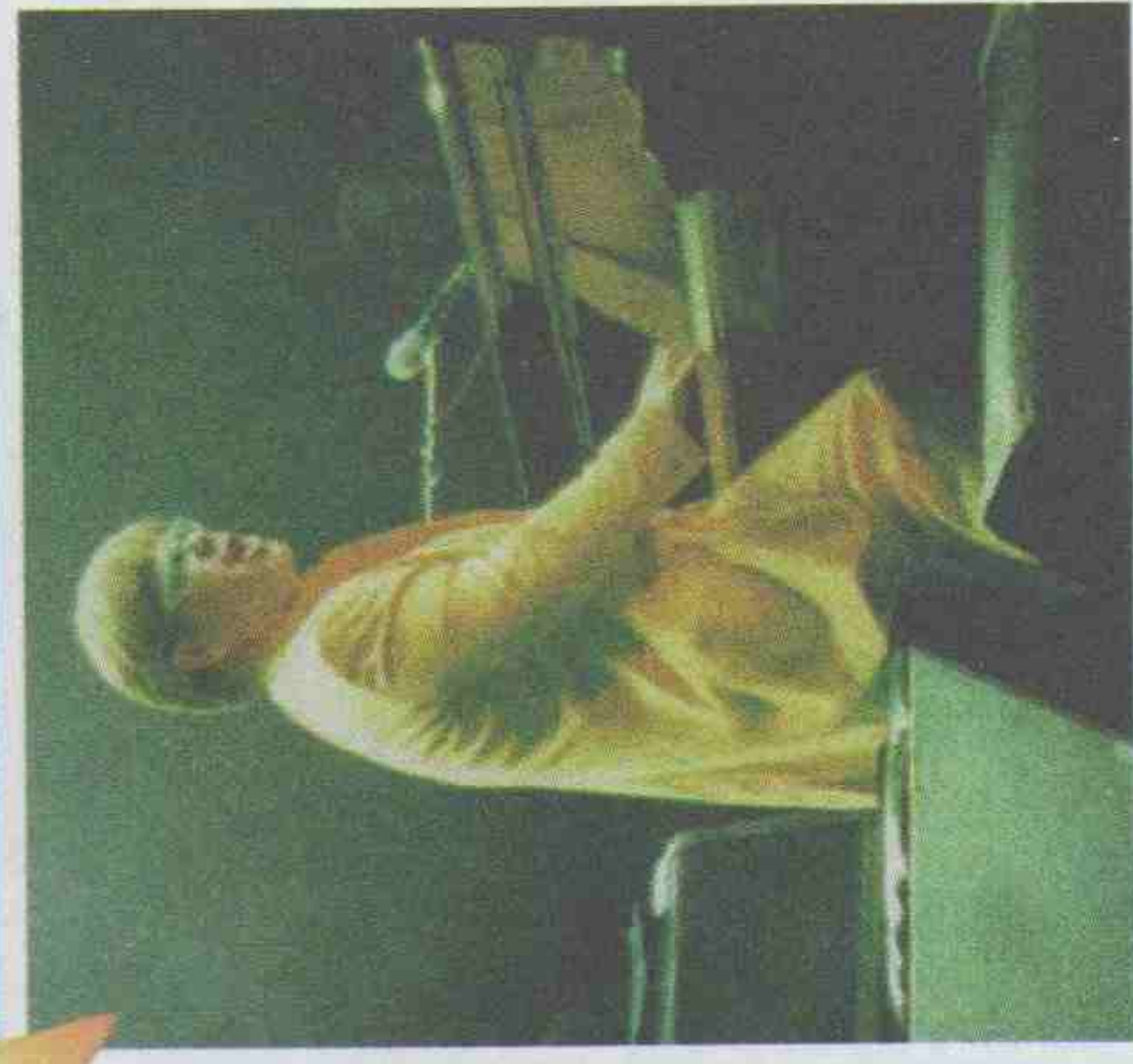

СЛУШАЙСЯ ПАПУ!

Вокалистка группы «Evanescence» Эмили Рассказала, что главное правило жизни когда-то для нее сформулировал ее отец: «Играла ли я в школьной пьесе, выступала ли с группой в каком-нибудь кафе, папа всегда произносил одну и ту же фразу: «Иди, выложись по полной, покажи класс, старайся, что есть мочи, но не забывай, что, в первую очередь, ты должна получить от своей работы удовольствие».

И я отвечала: «Да, пап, разумеется!» Чем дольше я на сцене, тем отчетливее понимаю, что это – лучший совет в моей жизни. Потому что если ты не веселишься, не получаешь удовольствия от процесса, у тебя никогда ничего не получится. Не то что отлично, но даже просто хорошо», – сказала Эмили.

А разве в остальном – не так?

Поклонники музыки с нетерпением ждут осени. И вовсе не потому, что им надоело лето. Просто этой осенью в Москву приедут многие

супер-звезды европейской эстрады. И прежде всего – Элтон Джон, который собирался-собирался – и вот, наконец, собрался. Он приезжает вместе с коллективом, в сопровождении огромного «обоза».

Следом в Москву прибывают «Black Eyed Peas», «Chemical Brothers», «Muse» – со своей программой «Black Holes And Revelations». Британские музыканты потом переедут в Санкт-Петербург, где дадут концерт в Ледовом дворце. Так что впечатлений хватит.

В очередной раз побалуют нас своим визитом и «Tokio Hotel». Ребята неожиданно для себя выяснили, что они невероятно популярны у нас в России. Все их концерты на наших площадках дают отличные сборы, а если так, то что тут раздумывать? Пакуй чемоданы – и в Россию. Фанаты в нетерпении.

ТУДА...

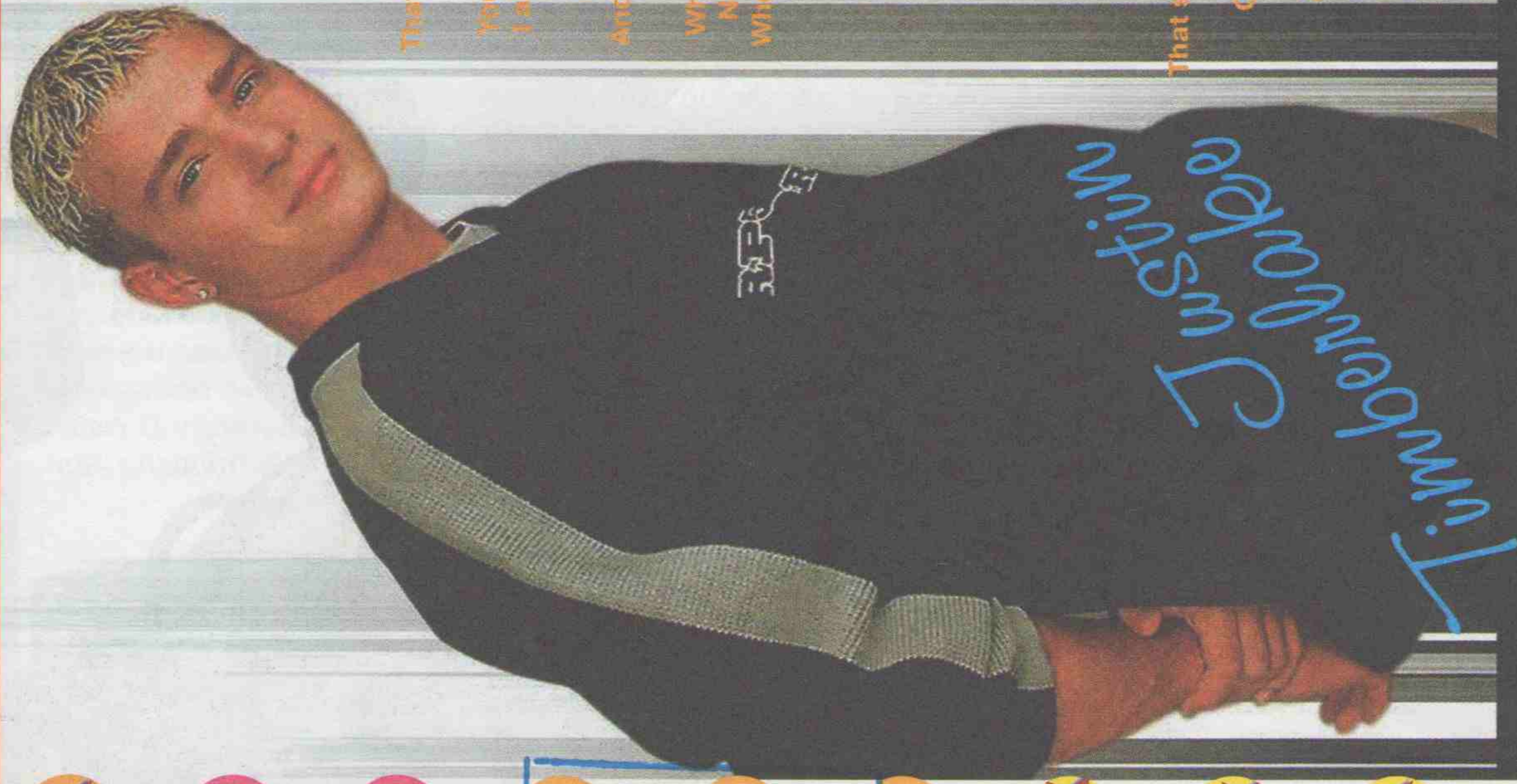
ЖИТ

...И ОБРАТНО

Тексты и переводы песен популярных зарубежных певцов и групп

Timberlake
Casting
Make

Cry me a river / Плачь в три ручья

You were my sun
You were my earth
But you didn't know
All the ways I loved you, no
So you took a chance
And made other plans
But I bet you didn't think
That they would come crashing down

No
You don't have to say, what you did,
I already know, I found out from him
Now there's just no chance,
For you and his, there'll never be
And don't it make you sad about it

You told me you loved me
Why did you leave me all alone
Now you tell me you need me
When you call me on the phone
But girl I refuse,
You must have me confused

With some other guy
Bridges were burned,
Now it's your turn to cry

Chorus:
Cry me a river
Cry me a river girl
Cry me a river
Cry me a river girl (yeah, yeah)

I know that they say
That some things are better left unsaid
It wasn't like you
Only talked to him and you know it
(Don't act like you don't know it)
All of these things people told me
Keep messin' with my head
(Messin' with my head)
You should've picked honesty
Then you may not have blown it

Ты была моим солнцем.
Ты была моим миром.
Но не знала,
Как сильно я любил тебя, нет!
И однажды решилась
Сделать все по-другому,
Но уверен: не думала,
Что случится «облом».
Нет!

Что слова? Ты ведь сделала это.
Я уже знаю все. От него. От него!
Цыпсов нет. И былого
Не веротишь. Но это
Не заставит тебя сожалеть о бывлом.

Говорила, что любишь.
Почему же бросала?
А теперь говоришь,
Что я нужен тебе.
Набралашь мой номер
И звонишь непрестанно...
Все наизузо. Мама не вернуть никогда.
Все мосты сожжены...
И теперь можешь плакать.

Припев:
Плачь, плачь в три ручья!
Плачь в три ручья, девочка,
Плачь в три ручья!
Кое-кто говорит,
Что есть вещи, которые лучше оставить.
Но ведь ты с ним не просто болтала.
(Не притворяйся, что не понимаешь!).
Это все меня сводит с ума.
(Сводит с ума)
Впрочем, будь ты честнее,
Все можно было бы исправить.
Но теперь – плачь в три ручья!

ПЕСЕННИК

Тексты
песен даются в
свободном
переводе и не
ложатся на
музыку

А лично тебя перевод какой песни интересует?

Илья Авербух
ДФС

Как сладко!

Н. Логинов,
кандидат
технических
наук

Подумать только – слово *конфета* переводится примерно как «приготовленное снадобье». И продавались конфеты, соответственно, в аптеках. Это были особым образом приготовленные шарики, содержавшие какое-нибудь лекарство. А чтобы больной не чувствовал «лечебной» горечи, в *конфекты* (именно так писалось это слово на аптекарской латыни) добавляли немного сладкого. Чаще всего это был мед или какой-нибудь порошок, приготовленный из высушенных ягод или фруктов.

Так люди потихоньку и привыкли: «конфект»-конфета – это лакомство, приятная на вкус штука, которую принимают уже не по предписанию врача, а из собственного удовольствия. И конфект благо-

получно перебрался из аптеки в кондитерскую лавочку и в лоток разносчика.

Кстати, забегая чуть вперед, расскажу, что шоколадную конфету тоже в аптеке придумали. Некий славный аптекарь честно пытался изобрести средство от зубной боли. А получилось – лакомство. Потом жена изобретателя догадалась заворачивать изделие в цветные бумажки, подарив человечеству такую замечательную вещь, как фантик. Ну, а сын сын аптекарской четы оказался удачливым коммерсантом. Он поставил дело на широкую ногу и стал крупнейшим производителем сладкого товара в Европе.

Но все это случилось уже тогда, когда европейцы перестали считать шоколад величайшей редкостью и непозволительной роскошью. И вот вам еще одно «кстати». Шоколад долго считался в Старом Свете чудодейственным средством. С его помощью пытались лечить чахотку, болезни желудка и даже... переломы костей!

А когда выяснилось, что шоколада болезни несколько не боятся, его обвинили во всех смертных грехах. Одна дама писала приятельнице: «...А тебе, моя милочка, я посоветовала бы есть как можно меньше шоколада. Одна моя знакомая съела его помногу во время беременности, и можешь представить себе ужас всех ее близких, когда у бедняжки родился совершенно черный ребенок!»

Но чем же тешили себя наши далекие предки, когда ни об очищенном сахаре, ни о чудесных бобах дерева какао, ни о самой Америке и слухом не слышали? Догадаться не так уж трудно: главной сладостью был, разумеется, мед.

Ведь бортничать – отнимать мед у диких пчел – человек выучился еще в незапамятные времена. В

южных землях люди лакомились сладчайшими финиками, виноградом, инжиром. Если их высушить – получится сладость, которой можно лакомиться в любое время года. А если их смешать с медом? Первыми до этого додумались египтяне. Археологи нашли в одной из гробниц картинку – даже не картинку, а настоящие инструкции – как из меда и фиников приготовить то, что мы называли бы конфетами.

Римляне оказались еще изобретательнее. Они варили орехи и маковые зерна с медом, а потом засыпали их кунжутом. Если вы пробовали когда-нибудь

казинаки, вам легко представить, чем лакомились наблюдавшие за боями гладиаторов патриции.

Но вплоть до эпохи крестовых походов сладкий стол Европы выглядел более чем скромно. И вдруг рыцари, вернувшись из-за тридцати земель, развязали походные торбы – и достали из них невиданные восточные вкусности. Это – халва, угощайтесь. Вот – рахат-лукум; а шербет кто-нибудь пробовал? И еще – желтоватые, похожие на соль кристаллы: сахар! А если сахар, то и варенье – ягодное, вишневое, абрикосовое – любое.

И – пошло-поехало. К XVIII веку без сладостей не обходился ни один банкет. Вот любопытный исторический факт: в 1715 году за прекрасно произнесенную тронную речь французский король Людовик XV получил от премьер-министра два огромных блюда с конфетами. Король вполне заслужил награду. Ведь было ему в ту пору всего... пять лет.

И все-таки вплоть до XIX века «фабричных» конфет было мало, да и покупать их считалось признаком дурного тона. Конфеты готовили личные повара – по собственным, тщательно оберегаемым рецептам. Поэтому даже знатные дамы, находясь в гостях, не гнушались «невзначай» смахнуть со стола в подставленный ридикюль горсть конфеток. Разве устоишь перед таким соблазном?

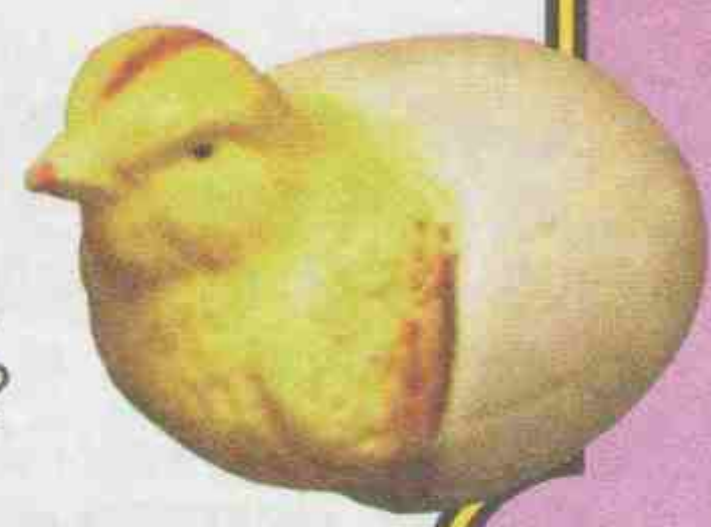
И все-таки самым любимым «простонародным лакомством» были леденцы. Особенно – производства фабрики «Ландрин». Их так и называли – ландринками.

Гиляровский писал, что фабрику основал небогатый кустарь, поставивший свой товар в знаменитую кофейню Филиппова. Леденцы у него были двухцвет-

ные: одна сторона белая, другая – красная. Потом он их сам заворачивал в бумажки и нес в булочную. И как-то однажды...

Дальше – к Гиляровскому. Книга называется «Москва и москвичи». Прочтите непременно!

Юрий КАЗАКОВ

К 80-летию писателя

Голубое и

ЗЕЛЕНОЕ

1

– Лиля, – говорит она глубоким грудным голосом и подает мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру ее руку, пожимаю и отпускаю. Я бормочу при этом свое имя. Кажется, я не сразу даже сообразил, что нужно назвать свое имя. Рука, которую я только что отпустил, нежно белеет в темноте. «Какая необыкновенная, нежная рука!» – с восторгом думаю я.

Мы стоим на дне глубокого двора. Как много окон в этом квадратном темном дворе: есть окна голубые, и зеленые, и розовые, и просто белые. Из голубого окна на втором этаже слышна музыка. Там включили приемник, и я слышу джаз. Я очень люблю джаз, нет, не танцевать – танцевать я не умею, – я люблю слушать хороший джаз. Некоторые не любят, но я люблю. Не знаю, может быть, это плохо. Я стою и слушаю джазовую музыку со второго этажа, из голубого окна. Видимо, там прекрасный приемник.

После того как она назвала свое имя, наступает долгое молчание. Я знаю, что она ждет от меня чего-то. Может быть, она думает, что я заговорю, скажу что-нибудь веселое, может, она ждет первого моего слова, вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой. Но я молчу, я весь во власти необыкновенного ритма и серебряного звука трубы. Как хорошо, что играет музыка и я могу молчать!

Наконец мы трогаемся. Мы выходим на светлую улицу. Нас четверо: мой приятель с девушкой, Лиля и я. Мы идем в кино. В первый раз я иду в кино с девушкой, в первый раз меня познакомили с ней, и она подала мне руку и сказала свое имя. Чудесное имя, произнесенное грудным голосом! И вот мы идем рядом, совсем чужие друг другу и в то же время странно знакомые. Музыка больше нет, и мне не за что спрятаться. Мой приятель отстает со своей девушкой. В страхе я замедляю шаги, но те идут еще медленней. Я знаю, он делает это нарочно. Это очень плохо с его стороны – оставить нас наедине. Никогда не ожидал от него такого предательства!

Что бы такое сказать ей? Что она любит? Осторожно, сбоку смотрю на нее: блестящие глаза, в которых отражаются огни, темные, наверное, очень жесткие волосы, сдвинутые густые брови, придающие ей самый решительный вид... Но щеки у нее почему-то напряжены, как будто она сдерживает смех. Что бы ей все-таки сказать?

– Вы любите Москву? – вдруг спрашивает она и смотрит на меня очень строго. Я вздрагиваю от ее глубокого голоса: есть ли еще у кого-нибудь такой голос!

Некоторое время я молчу, переводя дух. Наконец, собираюсь с силами. Да, конечно, я люблю Москву. Особенно я люблю арбатские переулки и бульвары. Но и другие улицы я тоже люблю... Потом я снова умолкаю.

Мы выходим на Арбатскую площадь. Я принимаюсь насвистывать и сую руки в карманы. Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно. Подумаешь! В конце концов, я могу уйти домой, я тут рядом живу, и вовсе не обязательно мне идти в кино и мучиться, видя, как дрожат ее щеки.

Но мы все-таки приходим в кино. До начала сеанса еще минут пятнадцать. Мы стоим посреди фойе и слушаем певицу, но ее плохо слышно: возле нас много народу, и все потихоньку разговаривают. Я давно заметил, что те, кто стоит в фойе, плохо слушают оркестр. Слушают и аплодируют только передние, а сзади едят мороженое и конфеты и тихо переговариваются. Решив, что певицу все равно не услышишь как следует, я принимаюсь разглядывать картины. Я никогда раньше не обращал внимания на них, но теперь я очень заинтересован. Я думаю о художниках, которые их нарисовали. Видимо, не зря повесили эти картины в фойе. Очень хорошо, что они висят тут.

Лиля смотрит на меня блестящими серыми глазами. Какая она красивая! Впрочем, она вовсе не красивая, просто у нее блестящие глаза и розовые крепкие щеки. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки, а брови расходятся и не кажутся уже такими строгими. У нее высокий чистый лоб. Только иногда на нем появляется морщинка. Наверное, она думает в это время.

Нет, я больше не могу стоять с ней! Почему она так меня рассматривает?

– Пойду покурю, – говорю я отрывисто и небрежно и ухожу в курительную. Там я сажусь и вздыхаю с облегчением. Странно, но когда в комнате много дыма, когда воздух совсем темный

от дыма, почему-то не хочется курить. Я осматриваюсь: стоят и сидят много людей. Некоторые спокойно разговаривают, другие молча торопливо курят, жадно затягиваются, бросают недокурные папиросы и быстро выходят. Куда они торопятся? Интересно, если жадно курить, папироса делается кислой и горькой. Лучше всего курить не спеша, понемножку. Я смотрю на часы: до сеанса еще пять минут. Нет, я, наверное, все-таки глуп. Другие так легко знакомятся, разговаривают, смеются. Другие ужасно остроумны, говорят о футболе и о чем угодно. Спорят о кибернетике. Я бы ни за что не заговорил с девушкой о кибернетике. А Лиля жестокая, решаю я, у нее жесткие волосы. У меня волосы мягкие. Наверное, поэтому я сижу и курю, хотя мне совсем не хочется курить. Но я все-таки посижу еще. Что мне делать в фойе? Опять смотреть на картины? Но ведь это плохие картины, и неизвестно, для чего их повесили. Очень хорошо, что я их раньше никогда не замечал.

Наконец, звонок. Я очень медленно выхожу из курительной, разыскиваю в толпе Лилю. Не глядя друг на друга, мы идем в зрительный зал и садимся. Потом гаснет свет и начинается кинокартина.

Когда мы выходим из кино, приятель мой совсем исчезает. Это так действует на меня, что я перестаю вообще о чем-либо думать. Просто иду и молчу. На улицах нет почти никого. Быстро проносятся автомашины. Наши шаги гулко отдаются от стен и далеко слышны.

Так мы доходим до ее дома. Останавливаемся опять во дворе. Поздно, уже не все окна горят, и во дворе темнее, чем было два часа назад. Много белых и розовых окон погасло, но зеленые еще горят. Светится и голубое окно на втором этаже, только музыки больше не слышно оттуда. Некоторое время мы стоим совершенно молча. Лилия странно ведет себя: поднимает лицо, смотрит на окна, будто считает их; она почти отворачивается от меня, потом начинает поправлять волосы... Наконец я очень небрежно, как бы между прочим говорю, что нам нужно еще встретиться завтра. Я очень рад, что во дворе темно и она не видит моих пылающих ушей.

Она согласна встретиться. Я могу прийти к ней, ее окна выходят на улицу. У нее каникулы, родные уехали на дачу, и ей немного скучно. Она с удовольствием погуляет.

Я размышляю, прилично ли будет пожать ей руку на прощанье. Она сама протягивает мне узкую руку, белеющую в темноте, и я снова чувствую ее теплоту и доверчивость.

2

На другой день я прихожу к ней засветло. Во дворе на этот раз много ребят. Двое из них с велосипедами: они собираются куда-то ехать; но, может быть, они уже приехали? Остальные стоят просто так. Мне кажется, все они смотрят на меня и отлично знают, зачем я пришел. И я никак не могу пройти двором, я подхожу к ее окнам на улице. Я заглядываю в окно и откашливаюсь.

– Лилия, вы дома? – громко спрашиваю я. Я спрашиваю очень громко, и голос мой не дрожит. Это прямо замечательно, что у меня не прервался голос.

Да, она дома. У нее подруга. Они спорят о чем-то интересном, и я должен разрешить этот спор.

– Идите скорей! – зовет меня Лилия. Но мне невыносимо идти двором, я никак не могу идти двором...

– Я к вам влезу через окно! – решительно говорю я и вспрыгиваю на окно. Я очень легко и красиво вспрыгиваю на окно, перебрасываю одну ногу через подоконник и тут только замечаю насмешливое удивление подруги и замешательство Лили. Я сразу догадываюсь, что сделал какую-то неловкость, и застываю верхом на окне: одна нога на улице, другая в комнате. Я сижу и смотрю на Лилю.

– Ну, лезьте же! – нетерпеливо говорит Лилия. Брови ее сходятся и щеки все больше краснеют.

– Не люблю летом торчать в комнатах... – бормочу я, делая высокомерное лицо. – Лучше я подожду вас на улице.

Я спрыгиваю с окна и отхожу к воротам. Как они смеются теперь надо мной! Я знаю, девчонки все жестокие и никогда нас не понимают. Зачем я пришел сюда? Зачем мне служить пошлостью! Лучше всего мне уйти. Если побежать сейчас, то можно добежать до конца улицы и свернуть за угол, прежде чем она выйдет. Убежать или нет? Секунду я раздумываю: будет ли это удобно? Потом я поворачиваюсь и вдруг вижу Лилю. Она с подругой выходит из ворот, смотрит на меня, в глазах ее еще не погас смех, а на щеках играют ямочки.

На подругу я не смотрю. Зачем она идет с нами? Что я буду с ними обеими делать? Я молчу, и Лилия начинает говорить с подругой. Они разговаривают, а я молчу. Когда мы проходим мимо афиш, я внимательно читаю их. Афиши можно иногда читать с конца, тогда выходят смешные гортанные слова. Доходим до угла, и тут подруга начинает прощаться. С признательностью я смотрю на нее. Она очень красивая и умная.

Подруга уходит, а мы идем на Тверской бульвар. Сколько влюбленных ходило по Тверскому бульвару! Теперь по нему идем мы. Правда, мы еще не влюбленные. Впрочем, может быть, мы тоже влюбленные, я не знаю. Мы идем довольно далеко друг от друга. Примерно в метре друг от друга. Липы уже отцвели. Зато очень много цветов на клумбах. Они совсем не пахнут, и названий их никто, наверное, не знает.

Мы очень много говорим. Никак нельзя установить последовательности в нашем разговоре и в наших мыслях. Мы говорим о себе и о наших знакомых, мы перескакиваем с предмета на предмет и забываем то, о чем говорили минуту назад. Но нас это не смущает, у нас еще много времени, впереди длинный, длинный вечер, и можно еще вспомнить забытое. А еще лучше вспоминать все потом, ночью.

Вдруг я замечаю, что у нее расстегнулось платье. У нее чудное платье, я таких ни у кого не видел – от ворота до пояса мелкие кнопочки. И вот несколько кнопок теперь расстегнулись, а она этого не замечает. Но не может же она ходить по улицам в расстегнутом платье! Как бы мне сказать ей об этом? Может быть, взять и застегнуть самому? Сказать что-нибудь смешное и застегнуть, как будто это самое обыкновенное дело. Как было бы хорошо! Но нет, этого никак нельзя сделать, это просто невозможно. Тогда я отворачиваюсь, выжидаю паузу в ее разговоре и говорю, чтобы она застегнулась. Она сразу замолкает. А я смотрю на большую надпись, торчащую на крыше. Написано, что каждый может выиграть сто тысяч. Очень оптимистическая надпись. Вот бы нам выиграть когда-нибудь!

Потом я закуриваю. Я очень долго закуриваю. Вообще во всех трудных минутах лучше всего закурить. Это очень помогает. Потом я несмело взглядываю на нее. Платье застегнуто, щеки у нее пламенеют, глаза делаются темными и строгими. Она тоже смотрит на меня, смотрит так, будто я очень изменился или узнал про нее что-то важное. Теперь мы идем уже немного ближе друг к другу.

Час проходит за часом, а мы все ходим, говорим и ходим. По Москве можно ходить без конца. Мы выходим к Пушкинской площади, от Пушкинской спускаемся к Трубной, оттуда по Неглинке идем к Большому театру, потом к Каменному мосту... Я готов ходить бесконечно. Я только спрашиваю у нее, не устала ли она. Нет, она не устала, ей очень интересно. Гаснут фонари на улицах. Небо, дождавшись темноты, опускается ниже, звезд становится больше. Потом начинается тихий рассвет. На бульварах, тесно прижавшись, сидят влюбленные. На каждой скамейке по одной паре. Я смотрю на них с завистью и думаю, будем ли и мы с Лилей сидеть когда-нибудь так.

На улицах совсем нет людей, только милиционеры. Они все смотрят на нас. Некоторые выразительно покашливают, когда мы проходим. Наверное, им хочется что-нибудь сказать нам, но они не говорят. Лиля наклоняет голову и ускоряет шаг. А мне почему-то смешно. Теперь мы с ней идем почти рядом. Ее рука иногда касается моей. Это совсем незаметные прикосновения, но я их чувствую.

Наконец мы расстаемся в ее тихом гулком дворе. Все спят, не горит ни одно окно. Мы понижаем наши голоса почти до шепота, но слова все равно звучат громко, и мне кажется, нас кто-то подслушивает.

Домой я прихожу в три часа. Только сейчас я чувствую, как гудят ноги. Как же тогда устала она! Я зажигаю настольную лампу и начинаю читать. Я читаю «Замок Броуди», который дала мне Лиля. Это замечательная книга, я читаю ее, и все время вижу почему-то лицо Лили. Иногда я закрываю глаза и слышу ее нежный грудной голос. Между страниц мне попадает длинный темный волос. Это ее волос – ведь она читала «Замок Броуди». Почему я решил, что у нее жесткие волосы? Это очень мягкий, шелковистый волос. Я осторожно сворачиваю его и кладу в том Энциклопедии. Потом я спрячу его получше.

Совсем рассвело, и я не могу больше читать. Я ложусь и смотрю в окно. Мы живем очень высоко, на седьмом этаже. Из наших окон видны крыши многих домов. А вдали, там, откуда летом встает солнце, видна звезда Кремлевской башни. Одна только звезда видна. Я люблю подолгу смотреть на эту звезду. Ночью, когда в Москве тихо, я слышу бой курантов. Ночью все очень хорошо слышно. Я лежу, смотрю на звезду и думаю о Лиле.

3

А через неделю мы с матерью уезжаем на Север. Я давно мечтал об этой поездке – с самой весны. Но теперь жизнь в деревне для меня полна особенного значения и смысла.

Я впервые попадаю в леса, в настоящие дикие леса, и весь переполнен радостью первооткрывателя. У меня есть ружье, – мне купили его, когда я окончил девять классов, – и я охочусь. Я брожу совсем один и не скучаю. Иногда я устаю. Тогда я сажусь и смотрю на широкую реку, на низкое осеннее небо. Август. И на Севере очень часто стоит плохая погода. Но и в плохую погоду и в солнце я выхожу рано утром из дому и иду в лес. Там я охочусь и собираю грибы или просто перехожу с поляны на поляну и смотрю на белые ромашки, которых здесь множество. Мало ли что можно делать в лесу! Можно сесть на берегу озера и сидеть неподвижно. Прилетят утки, с шипением опустятся совсем рядом. Сначала они будут сидеть, прямо вытянув шеи, потом начнут нырять, плескаться, сплываться и расплываться. Я слежу за ними одними глазами, не поворачивая головы.

Потом выйдет солнце из-за туч, прорвется через листья над моей головой и запустит золотые дрожащие пальцы глубоко в воду. Тогда становятся видными длинные ржавые стебли кувшинок. Возле стеблей показываются большие рыбы. Они застывают в солнечном луче, не шевеля ни одним плавником, будто греются или спят. И мне очень странно следить за ними. Глядя на них, сам цепенеешь и воспринимаешь все как сквозь сон.

Мало ли что можно делать в лесу. Можно просто лежать, слушать гул сосен и думать о Лиле. Можно даже говорить с ней. Я рассказываю ей об охоте, об озерах и лесах, о прекрасном запахе ружейного дыма, и она понимает меня, хотя женщины вообще не любят и не понимают охоты.

Иногда я возвращаюсь домой ночью. Я иду полем, и мне немного страшно. Со мной заряженное ружье, но все-таки я часто оглядываюсь. Очень темно. Только в небе, если долго смотреть, можно заметить слабый свет. Но на земле очень темно. Надо мной кругами беззвучно летают совы. Я вижу их, но, сколько бы я ни прислушивался, мне не удастся услышать взмахов их крыльев. Однажды я выстрелил. Сова глухо ударилась о межу и долго потом щелкала во тьме клювом...

Через месяц я возвращаюсь в Москву. Прямо с вокзала, едва поставив дома чемоданы, я иду к Лиле. Вечер, ее окна светятся – значит, она дома. Я подхожу к окну, пробираясь через леса – ее дом ремонтируют, – и смотрю сквозь занавеску.

Она сидит за столом одна у настольной лампы и читает. Лицо ее задумчиво. Она перевертывает страницу, облакачивается, поднимает глаза и смотрит на лампу, наматывая на палец прядь волос. Какие у нее темные глаза. Почему я раньше думал, что они серые? Они совсем темные, почти черные. Я стою под лесами, пахнет штукатуркой и сосной. Этот сосновый запах доносится ко мне, как далекий отзвук моих охот, как воспоминание обо всем, что я оставил на Севере. За моей спиной слышны шаги прохожих. Люди идут куда-то, спешат, четко шагая по асфальту, у них свои мысли и свои любви, они живут каждый своей жизнью. Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахом, многолюдством, от которых я отвык за месяц. И я с робкой радостью думаю, как хорошо, что в этом огромном городе у меня есть любимая.

– Лиля! – зову я негромко.

Она вздрагивает, брови ее поднимаются. Потом она встает, подходит к окну, отодвигает занавеску, наклоняется ко мне, и я близко вижу ее темные радостные глаза.

– Алеша! – говорит она медленно. На щеках ее появляются едва заметные ямочки. – Алеша! Это ты? Это правда ты? Я сейчас выйду. Ты хочешь гулять? Я очень хочу гулять с тобой. Я сейчас выйду.

Я выбираюсь из лесов, перехожу на другую сторону и смотрю на ее окна. Вот гаснет свет, проходит короткая минута, и в черной дыре ворот показывается фигура Лили. Она сразу замечает меня и бежит ко мне через улицу. Она хватается мои руки и долго держит их в своих руках. Мне кажется, она загорела и немного похудела. Глаза ее стали еще больше. Я слышу, как колотится ее сердце и прерывается дыхание.

– Пойдем гулять! – говорит наконец она. И тут я обращаю внимание, что она говорит мне «ты». Мне очень хочется сесть или прислониться к чему-нибудь – так вдруг ослабли мои ноги. Даже после самых утомительных охот они так не дрожали.

Но мне неудобно идти с ней. Я только на минутку зашел поглядеть ее. Я так плохо одет. Я прямо с дороги, на мне лыжный костюм, сбитые ботинки. Костюм прожжен в нескольких местах. Это я ночевал на охоте. Когда спишь у костра, очень часто прожигает куртку и брюки. Нет, я никак не могу идти с ней.

– Какая чепуха! – беспечно говорит она и тянет меня за руку. Ей нужно со мной поговорить. Она совсем одна, подруги еще не приехали, родители на даче, она страшно скучает и все время ждала меня. При чем здесь костюм? И потом, почему я не писал? Мне, наверное, было приятно, что другие мучаются?

И вот мы опять идем по Москве. Очень странный, сумасшедший какой-то вечер. Начинается дождь, мы прячемся в гулкой подъезд и, задыхаясь от быстрого бега, смотрим на улицу. С шумом падает вода по водосточной трубе, тротуары блестят, автомашины проезжают совсем мокрые, и от них к нам ползут красные и белые змейки света, отражающегося на мокром асфальте. Потом дождь перестает, мы выходим, смеемся, перепрыгиваем через лужи. Но дождь начинается с новой силой, и мы снова прячемся. На ее волосах блестят капли дождя. Но еще сильнее блестят ее глаза, когда она смотрит на меня.

– Ты вспоминал обо мне? – спрашивает она. – Я почти все время о тебе думала, хоть и не хотела. Сама не знаю почему. Ведь мы знакомы так мало. Правда? Я читала книгу и вдруг думала, понравилась бы она тебе. У тебя уши не краснели? Говорят, если думаешь долго о ком-нибудь, у него начинают уши краснеть. Я даже в Большой не пошла. Мне мама дала один билет, а я не пошла. Ты любишь оперу?

– Еще бы! Я, может, скоро стану певцом. Мне сказали, что у меня хороший бас.

– Алеша! У тебя бас? Спой, пожалуйста! Ты потихоньку спой, и никто не услышит, одна я.

Сначала я отказываюсь. Потом я все-таки пою. Я пою романсы и арии и не замечаю, что дождь уже кончился, по тротуару идут прохожие и оглядываются на нас. Лиля тоже не замечает ничего. Она смотрит мне в лицо, и глаза ее блестят.

4

...Наступил декабрь. Все свободное время я провожу с Лилей. Я люблю ее еще больше. Я не знал, что любовь может быть бесконечной. Но это так. С каждым месяцем Лиля делается мне все дороже, и уже нет жертвы, на которую я бы не пошел ради нее. Она часто звонит мне по телефону. Мы долго разговариваем, а после разговора я никак не могу взяться за учебники. Начались сильные морозы с метелями. Мать собирается ехать в деревню, но у нее нет теплого платка. Старин-

ная теплая шаль есть у тети, которая живет за городом. Мне нужно поехать и привезти эту шаль.

В воскресенье утром я выхожу из дому. Но вместо того, чтобы ехать на вокзал, я захожу к Лиле. Мы идем с ней на каток, потом – греться в Третьяковку. В Третьяковке зимой очень тепло, там есть стулья, и на стульях можно посидеть и потихоньку поговорить. Мы бродим по залам, смотрим картины.

Особенно я люблю «Девочку с персиками» Серова. Эта девочка очень похожа на Лилю. Лиля краснеет и смеется, когда я говорю ей об этом. Иногда мы совсем забываем о картинах, разговариваем шепотом и смотрим друг на друга. Между тем быстро темнеет. Третьяковка скоро закрывается, мы выходим на мороз, и тут я вспоминаю, что мне нужно было съездить за шалью. Я с испугом говорю об этом Лиле. Ну что ж, очень хорошо, мы сейчас же поедем за город.

И мы едем, радостные оттого, что нам не нужно расставаться. Мы сходим на платформе, засыпанной снегом, и идем дорогой через поле. Впереди и сзади темнеют фигуры людей, идущих вместе с нами с электрички. Слышны разговоры и смех, вспыхивают огоньки папирос. Иногда кто-нибудь впереди бросает окурок на дорогу. Мы подходим, он все еще светится. Вокруг огонька – маленькое розовое пятнышко на снегу. Мы не наступаем на него. Пусть еще посветится во тьме. Потом мы переходим через замерзшую реку, и под нами гулко скрипит деревянный мост. Очень сильный мороз. Мы идем темной просекой. По сторонам совсем черные ели и сосны. Тут гораздо темнее, чем в поле. Только из окон некоторых дач падают на снег желтые полосы света. Многие дачи стоят совсем глухие, темные: в них, наверное, зимой не живут. Сильно пахнет березовыми почками и чистым снегом, в Москве так никогда не пахнет.

Наконец мы подходим к дому моей тети. Почему-то мне представляется невозможным заходить к ней вместе с Лилей.

– Лиля, ты подождешь меня немного? – нерешительно прошу я. – Я очень скоро.

– Хорошо, – соглашается она. – Только недолго. Я совсем замерзла. У меня замерзли ноги. И лицо. Нет, ты не думай, я рада, что поехала с тобой! Только ты недолго, правда?

Я ухожу, оставляя ее на темной просеке совсем одну. У меня очень нехорошо на сердце.

Тетя и двоюродная сестра удивлены и обрадованы. Почему я так поздно? Как я вырос! Совсем мужчина. Наверное, я останусь ночевать?

– Как здоровье мамы?

– Спасибо, очень хорошо.

– Папа работает?

– Да, папа работает.

– Все там же? А как здоровье дяди?

Господи, тысячи вопросов! Сестра смотрит расписание поездов. Ближайший обратный поезд идет в одиннадцать часов. Я должен раздеться и выпить чаю. И потом я должен дать им посмотреть на себя и рассказать обо всем. Ведь я не был у них целый год. Год – это очень много.

Меня насильно раздевают. Топится печка, ярко горит лампа в розовом абажуре, стучат старинные часы. Очень тепло, и очень хочется чаю. Но на темной просеке меня ждет Лиля!

Наконец я говорю:

– Простите, но я очень спешу... Дело в том, что я не один. Меня на улице ждет... один приятель.

Как меня ругают! Я совсем невоспитанный человек. Разве можно оставлять человека на улице в такой холод! Сестра выбегает в сад, я слышу под окном хруст ее шагов. Немного погодя опять хрустит снег, и сестра вводит в комнату Лилю. Она совсем белая. Ее раздевают и сажают к печке. На ноги ей надевают теплые валенки.

Понемногу мы отогреваемся. Потом садимся пить чай. Лиля стала пунцовой от тепла и смущения. Она почти не поднимает глаз от чашки, только изредка страшно серьезно взглядывает на меня. Но щеки ее напряжены, и на них дрожат ямочки. Я уже знаю, что это значит, и очень счастлив! Я выпил уже пять стаканов чаю.

Потом мы встаем из-за стола. Пора ехать. Мы одеваемся, мне дают шаль. Но вдруг раздумывают, велют Лиле раздеться, укутывают ее шалью и сверху натягивают пальто. Она очень толстая теперь, лицо ее почти все закрыто шалью, только блестят глаза.

Мы выходим на улицу и первое время ничего не видим. Лилля крепко держится за меня. Отойдя от дома, мы начинаем немного различать тропинку. Лилля вдруг начинает хохотать. Она даже падает два раза, и мне приходится поднимать ее и вытряхивать снег из рукавов.

– Какой у тебя был вид! – еле выговаривает она. – Ты смотрел на меня, как страус, когда меня привели! Я тоже хохочу во все горло.

– Алеша! – вдруг со сладким ужасом говорит она. – А ведь нас могут остановить!

– Кто?

– Ну, мало ли кто! Бандиты... Они могут нас убить.

– Ерунда! – говорю я громко.

Кажется, я говорю это слишком громко. И почему-то вдруг начинаю чувствовать, что на улице мороз. Он даже как будто покрепчал, пока мы пили чай и разговаривали.

– Ерунда! – опять повторяю я. – Никого здесь нет!

– А вдруг есть? – быстро спрашивает Лилля и оглядывается. Я тоже оглядываюсь.

– Ты боишься? – звонко спрашивает она.

– Нет! Хотя... А ты боишься?

– Ах, я страшно боюсь! Нас определенно разденут. У меня предчувствие.

– Ты веришь предчувствиям?

– Верю. Зачем я поехала? Впрочем, я рада все равно, что поехала.

– Да?

– Да! Если даже нас разденут и убьют, я все равно не пожалую. А ты? Ты согласился бы умереть ради меня?

Я молчу и только крепче сжимаю ее руку. Если бы мне только представился случай, чтобы доказать ей свою любовь!

– Алеша...

– Да?

– Я у тебя хочу спросить... Только ты не смотри на меня. Не смей заглядывать мне в лицо! Да... о чем я хотела? Отвернись!

– Ну вот, я отвернулся. Только ты смотри на дорогу. А то мы споткнемся.

– Это ничего, я в платке, мне не больно падать.

– Да?

– Алеша... Ты целовался когда-нибудь?

– Нет. Никогда не целовался. А что?

– Совсем никогда?

– Я целовался один раз... Но это было в первом классе. Я поцеловал одну девочку. Я даже не помню, как ее звать.

– Правда? Ты не помнишь ее имени?

– Нет, не помню.

– Тогда это не считается. Ты был еще мальчик.

– Да, я был мальчик.

– Алеша... Ты хочешь меня поцеловать?

Я все-таки спотыкаюсь. Теперь я не отворачиваюсь больше, я внимательно смотрю на дорогу.

– Когда? Сейчас? – спрашиваю я.

– Нет, нет... Если мы дойдем до станции и нас не убьют, тогда на станции я тебя поцелую.

Я молчу. Мороз, кажется, послабел. Я совсем его не чувствую. Очень горят щеки. И жарко. Или мы так быстро идем?

– Алеша...

– Да?

– Я совсем ни с кем не целовалась.

Я молча взглядываю на звезды. Потом я смотрю вперед, на желтоватое зарево огней над Москвой. До Москвы тридцать километров, но зарево ее огней видно. Как все-таки чудесна жизнь!

– Это, наверное, стыдно – целоваться? Тебе было стыдно?

– Я не помню, это было так давно... По-моему, это не особенно стыдно.

– Да, это было давно. Но все-таки это, наверное, стыдно.

Мы идем уже полем. На этот раз мы совсем одни в пустом поле. Ни души не видно ни впереди, ни сзади. Никто не бросает на дорогу горящих окурков. Только звонко скрипят наши шаги. Вдруг впереди вспыхивает светлячок, бледный светлячок, похожий на далекую свечку. Он вспыхивает, качается некоторое время и гаснет. Потом опять зажигается, но уже ближе. Мы смотрим на этот огонек и наконец догадываемся: это электрический фонарик. Потом мы замечаем маленькие черные фигуры. Они идут нам навстречу от станции. Может быть, это приехавшие на электричке? Нет, электричка не проходила, мы не слышали никакого шума.

– Ну вот... – говорит Лилля и крепче прижимается ко мне. – Я так и знала. Сейчас нас убьют. Это бандиты.

Что я могу ей сказать? Я ничего не говорю. Мы идем навстречу черным фигурам, мы очень медленно идем. Я вглядываюсь, считаю: шесть человек. Нащупываю в кармане ключ и вдруг испытываю прилив горячего восторга и отваги. Как я буду драться с ними! Я задыхаюсь от волнения, сердце мое бурно колотится. Они громко говорят о чем-то, но шагах в двадцати от нас замолкают.

– Лучше бы я тебя поцеловала, – печально говорит Лилля. – Я очень жалею...

И вот мы встречаемся на дороге среди пустынного поля. Шестеро останавливаются, зажигают фонарик, его слабый красноватый луч, скользя по снегу, падает на нас. Мы щуримся. Нас оглядывают и молчат. У двоих распахнуты пальто. Один торопливо докуривает папиросу, сплевывает в снег. Я жду оклика или удара. Но нас не окликают. Мы проходим.

– А девочка ничего, – сожалеюще замечает кто-то сзади. – Эй, малый, не робей! А то отобьем!

– Ты испугался, да? – спрашивает Лилля немного погодя.

– Нет! Я только за тебя боялся...

– За меня? – Она сбоку странно смотрит на меня и замедляет шаги. – А я ни капельки не боялась! Мне только платка жалко было.

Больше до самой станции мы не говорим. У станции Лилля, становясь на цыпочки и обсыпаясь снегом, срывает веточку сосны и сует в карман. Потом мы поднимаемся на платформу. Никого нет. У кассы горит одна лампочка, и снег на платформе блестит, как соль. Мы начинаем топтать: очень холодно. Лилля вдруг отходит от меня и прислоняется к перилам. Я стою на краю платформы, над рельсами, и вытягиваю шею, стараюсь увидеть огонек электрички.

– Алеша... – зовет меня Лилля. У нее странный голос. Я подхожу. Ноги мои дрожат, мне делается вдруг чего-то страшно.

– Прижмись ко мне, Алеша, – просит Лилля. – Я совсем замерзла.

Я обнимаю ее и прижимаюсь к ней, и мое лицо почти касается ее лица. Я близко вижу ее глаза. Я впервые так близко вижу ее глаза. На ресницах у нее густой иней, волосы выбились из-под шали, и на них тоже иней. Какие у нее большие глаза и какой испуганный взгляд! Снег скрипит у нас под ногами. Мы

стоим неподвижно, но он скрипит. Сзади раздаётся вдруг звонкий щелчок. Он сухо катится по доскам, как по льду на реке, и затихает где-то на краю платформы. Почему мы молчим? Впрочем, совсем не хочется говорить.

Лиля шевелит губами. Глаза ее делаются совсем черными.

– Что же ты не целуешь меня? – слабо шепчет она. Пар от нашего дыхания смешивается. Я смотрю на ее губы. Они опять шевелятся и приоткрываются. Я нагибаюсь и долго целую их, и весь мир начинает бесшумно кружиться. Они теплые. Во время поцелуя Лиля смотрит на меня, прикрыв пушистые ресницы. Она целуется и смотрит на меня, и теперь я вижу, как она меня любит.

Так мы целуемся в первый раз. Потом она прижимается холодной щекой к моему лицу, и мы стоим не шевелясь. Я смотрю поверх ее плеча, в темный зимний лес за платформой. Я чувствую на лице ее теплое детское дыхание и слышу торопливый стук ее сердца, а она, наверное, слышит стук моего сердца. Потом она шевелится и затаивает дыхание. Я отклоняюсь, нахожу ее губы и опять целую. На этот раз она закрывает глаза.

Вдали слышен низкий гудок, сверкает ослепительная звездочка. Подходит электричка. Через минуту мы входим в светлый и теплый вагон, со стуком захлопываем за собой дверь и садимся на теплую лавочку. Людей в вагоне мало. Одни читают, шуршат газетами, другие дремлют, покачиваясь вместе с вагоном. Лиля молчит и всю дорогу смотрит в окно, хоть стекла замёрзли, на дворе ночь и решительно ничего нельзя увидеть.

5

Наверное, никогда невозможно с точностью указать минуту, когда пришла к тебе любовь. И я никак не могу решить, когда я полюбил Лилю. Может быть, тогда, когда я, одинокий, бродил по Северу? А может, во время поцелуя на платформе? Или тогда, когда она впервые подала мне руку и нежно сказала свое имя: Лиля? Я не знаю. Я только одно знаю, что теперь уж я не могу без нее. Вся моя жизнь теперь делится на две части: до нее и при ней. Как бы я жил и что значил без нее? Я даже думать об этом не хочу, как не хочу думать о возможной смерти моих близких.

Зима наша прошла чудесно. Все было наше, все было общее: прошлое и будущее, радость и вся жизнь до последнего дыхания. Какое счастливое время, какие дни, какое головокружение!

Но весной я начинаю кое-что замечать. Нет, я ничего не замечаю, я только чувствую с болью, что наступает что-то новое. Это даже трудно выразить. Просто у нас обнаруживается разница в характерах. Ей не нравятся мои взгляды, она смеется над моими мечтами, смеется жестоко, и мы несколько раз ссоримся. Потом... Потом все катится под гору, все быстрее, все ужаснее. Все чаще ее не оказывается дома, все чаще разговоры наши делаются неестественно веселыми и пустыми. Я чувствую, как уходит она от меня с каждым разом все дальше, все дальше...

...И вот уже весна... Много солнца и света, голубое небо, липы на бульварах начинают тонко пахнуть. Все бодро оживлены, все собираются встречать Май. И я, как и все, тоже собираюсь. Мне подарили к Маю сто рублей – теперь я самый богатый человек! И у меня впереди целых три свободных дня. Три дня, которые я проведу с Лилей – не станет же она и в эти дни готовиться к экзаменам! Нет, я не пойду никуда, никакие компании мне не нужны, я буду эти дни вместе с ней. Мы так давно не были вместе...

Но она не может быть со мной. Ей нужно ехать на дачу к больному дяде. Ее дядя болен, и ему скучно, он хочет встретить Май в кругу родных, и вот они едут – ее родители и она. Прекрасно! Очень хорошо встретить Май на даче. Но мне так хочется побыть с ней... Может быть, второго мая?

Второго? Она раздумывает, наморщив лоб, и слегка краснеет. Да, может быть, она вырвется... Конечно, она очень хочет! Мы ведь так давно не были вместе. Итак, второго вечером, у Телеграфа на улице Горького.

В назначенный час я стою у Телеграфа. Как много здесь народу! Над моей головой глобус. Еще сумерки, но он уже светится – голубой, с желтыми материками – и тихонько крутится. Полыхает иллюминация: золотые колосья, голубые и зеленые искры. От света иллюминации лица у всех очень красивые. У меня в кармане сто рублей. Я их не истратил вчера, и они со мной – мало ли куда мы можем пойти сегодня. В парк или в кино... Я терпеливо жду. Кругом все нервничают, но я удивительно спокоен.

По улице, прямо по середине идут толпы людей. Как много девушек и ребят, и все поют, кричат что-то, играют на аккордеонах. На всех домах флаги, лозунги, много огней. Поют песни, и мне тоже хочется запеть, ведь у меня хороший голос. У меня бас. Я когда-то мечтал стать певцом. О многом я мечтал...

Вдруг я вижу Лилю. Она пробирается ко мне, поднимается по ступенькам, и на нее все оглядываются – так она красива. Я никогда не видел ее такой красивой. Сердце мое начинает колотиться. Она быстро оглядывает всех, глаза ее перебегают по лицам, ищут кого-то. Они ищут меня. Я делаю шаг ей навстречу, один только шаг, и вдруг острая боль ударяет меня в сердце, и во рту становится сухо. Она не одна! Рядом с ней стоит парень в шляпе и смотрит на меня. Он красивый, этот парень, и он держит ее под руку. Да, он держит ее под руку, тогда как я только на второй месяц осмелился взять ее под руку.

– Здравствуй, Алеша, – говорит Лиля. Голос у нее немного дрожит, а в глазах смущение. Только небольшое смущение, совсем маленькое. – Ты давно ждешь? Мы, кажется, опоздали...

Она смотрит на большие часы под глобусом и чуть хмурится. Потом она поворачивает голову и смотрит на парня. У нее очень нежная шея, когда она смотрит на него. Смотрела ли она так на меня?

– Познакомьтесь, пожалуйста!

Мы знакомимся. Он крепко жмет мне руку. В его пожатии уверенность.

– Ты знаешь, Алеша, сегодня у нас с тобой ничего не выйдет. Мы идем сейчас в Большой театр... Ты не обижаешься?

– Нет, я не обижаюсь.

– Ты проводишь нас немножко? Тебе ведь все равно сейчас нечего делать.

– Провожу. Мне действительно нечего делать.

Мы вливаемся в поток и вместе с потоком движемся вниз, к Охотному ряду. Зачем я иду? Что со мной делается? Кругом поют. Играют аккордеоны. На крышах домов гремят репродукторы. В кармане у меня сто рублей! Совсем новая хрустящая бумажка в сто рублей. Но зачем я иду, куда я иду!

– Ну, как дядя? – спрашиваю я.

– Дядя? Какой дядя?... Ах, ты про вчерашнее? – Она закусывает губу и быстро взглядывает на парня. – Дядя поправляется... Мы очень здорово встретили Май, так весело было! Танцевали... А ты? Ты хорошо встретил?

– Я? Очень хорошо.

– Ну, я рада!

Мы заворачиваем к Большому театру. Мы идем все рядом, втроем. Теперь не я держу ее под руку. Ее руку держит этот красивый парень. И она уже не со мной, она с ним. Она сейчас за тысячу верст от меня. Почему у меня першит в горле? И щиплет глаза? Заболел я, что ли? Доходим до Большого театра, останавливаемся. Молчим. Совершенно не о чем говорить. Я вижу, как парень легонько сжимает ее локоть.

– Ну мы пойдем. До свидания! – говорит Лиля и улыбается мне. Какая у нее виноватая и в то же время отсутствующая улыбка! Я пожимаю ее руку. Все-таки у нее прекрасная рука. Они поворачиваются и неторопливо идут под колонны. А я стою и смотрю ей вслед. Она очень выросла за этот год. Ей уже семнадцать лет. У нее легкая фигура. Где я впервые увидел ее фигуру? Ах, да, в черной дыре ворот, когда я приехал с Севера. Тогда ее фигура поразила меня. Потом я любовался ею в Колонном зале и в Консерватории. Потом на школьном балу... Изумительный зимний бал! А сейчас она уходит и не оглядывается. Раньше она всегда оглядывалась, когда уходила. Иногда она даже возвращалась, внимательно смотрела мне в лицо и спрашивала:

– Ты что-то хочешь мне сказать?

– Нет, ничего, – отвечал я со смехом, счастливый оттого, что она вернулась.

Она быстро оглядывалась по сторонам и говорила:

– Поцелуй меня!

И я целовал ее, пахнущую морозом, на площади или на углу улицы. Она любила эти мгновенные поцелуи на улице.

– Откуда им знать! – говорила она о людях, которые могли увидеть наш поцелуй. – Они ничего не знают! Может, мы брат и сестра. Правда?

Теперь она не оглядывается. Я стою, и мимо меня идут люди, обходят меня, как столб, как вещь. То и дело слышен смех. Идут по двое, и по трое, и целыми группами, – совсем нет одиноких. Одинокому невыносимо на праздничной улице. Одинокие, наверное, сидят дома. Я стою и смотрю... Вот они уже скрылись в освещенном подъезде. Весь вечер они будут слушать оперу, наслаждаясь своей близостью. Надо мной в фиолетовом небе летит и никак не может улететь крылатая четверка коней. И в кармане у меня сто рублей. Совсем новая бумажка, которую я не истратил вчера...

Прошел год. Мир не разрушился, жизнь не остановилась. Я почти позабыл о Лиле. Да, я забыл о ней. Вернее, я старался не думать о ней. Зачем думать? Один раз я встретился с ней на улице. Правда, у меня похолодела спина, но я держался ровно. Я совсем потерял интерес к ее жизни. Я не спрашивал, как она живет, а она не спросила, как живу я. Хотя у меня произошло за это время много нового. Год – это ведь очень много!

...Однажды я получаю от нее письмо. Она пишет, что вышла замуж. Еще она пишет, что уезжает с мужем на Север и очень просит прийти проводить ее. Она называет меня «милый», и она пишет в конце письма: «Твоя старая, старая знакомая».

Я долго сижу и смотрю на обои. У нас красивые обои с очень замысловатым рисунком. Я люблю смотреть на эти рисунки. Конечно, я провожу ее, раз она хочет. Почему бы нет? Она не враг мой, она не сделала мне ничего плохого. Я провожу ее, тем более что я давно все забыл: мало ли чего не бывает в жизни! Разве все запомнишь, что случилось с тобой год назад!

И я еду на вокзал в тот день и час, которые написала она мне в письме. Долго ищу я ее на перроне, наконец нахожу. Я увидел ее внезапно и даже вздрогнул. Она стоит в светлом платье с открытыми руками, и первый загар уже тронул ее руки и лицо. У нее по-прежнему нежные руки. Но лицо изменилось, оно стало лицом женщины. Она уже не девочка, нет, не девочка... С ней стоят родные и муж – тот самый парень. Они все громко говорят и смеются, но я замечаю, как Лиля нетерпеливо оглядывается: она ждет меня.

Я подхожу. Она тотчас берет меня под руку.

– Я на одну минуту, – говорит она мужу с нежной улыбкой.

Муж кивает и приветливо смотрит на меня. Да, он меня помнит. Он великодушно протягивает мне руку. Потом мы с Лилей отходим.

– Ну вот я и дама, и уезжаю, и прощай Москва, – говорит Лиля и грустно смотрит на башни вокзала. – Я рада, что ты приехал. Странно как-то все... Ты очень вырос. Как ты живешь?

– Хорошо, – отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у меня не получается, почему-то деревенеет лицо. Лиля внимательно смотрит на меня, лоб ее перерезает морщинка. Это у нее всегда, когда она думает.

– Что с тобой? – спрашивает она.

– Ничего. Я просто рад за тебя... Давно вы поженились?

– Всего неделю. Это такое счастье!

– Да, это счастье.

Лиля смеется.

– Откуда тебе знать! Но постой, у тебя очень странное лицо!

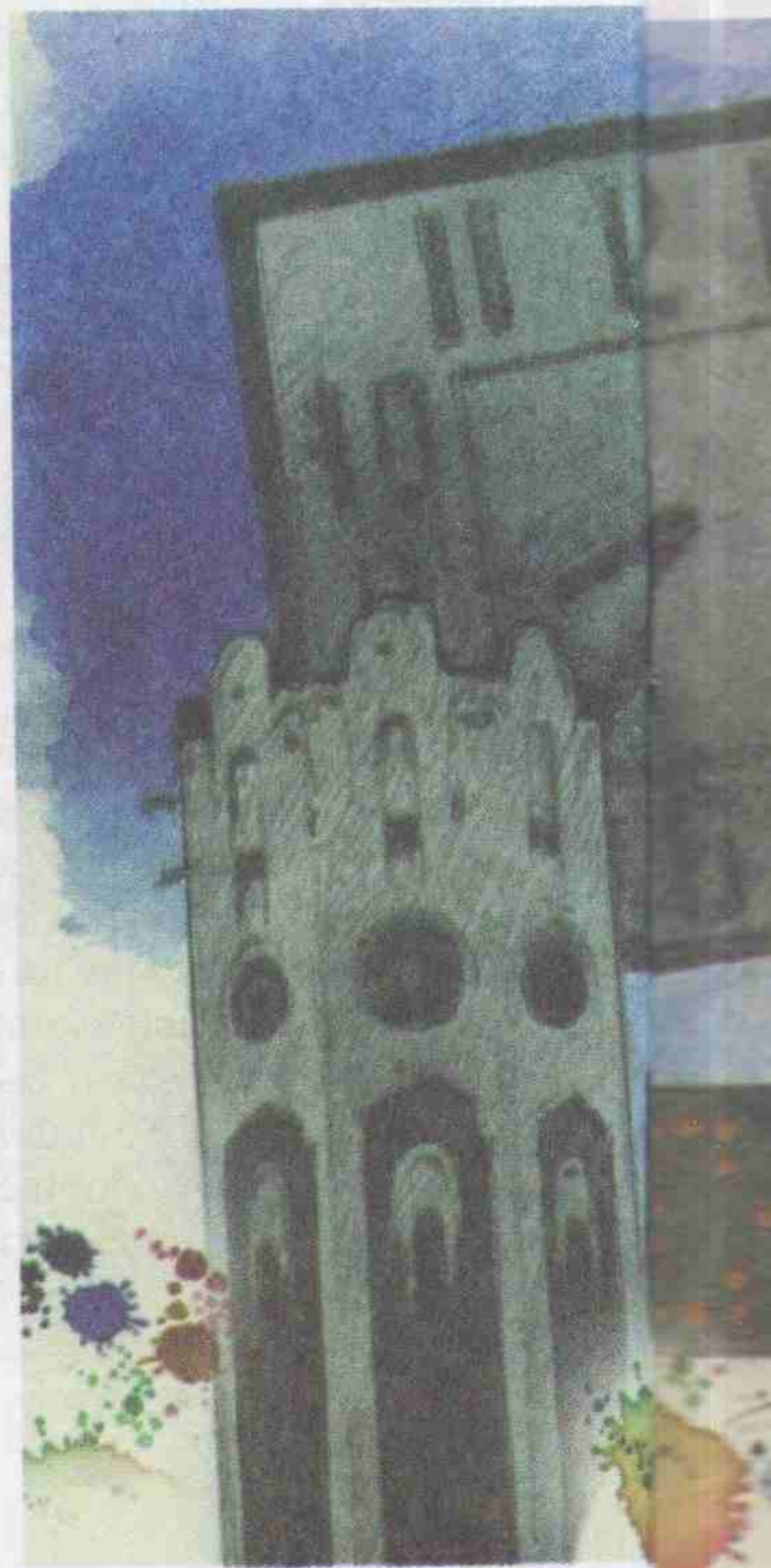
– Это кажется. Это от солнца.

Потом, я немного устал, у меня ведь экзамены. Немецкий...

– Проклятый немецкий? – смеется она. – Помнишь, я тебе помогала?

– Да, я помню. – Я раздвигаю губы и улыбаюсь.

– Слушай, Алеша, в чем дело? – тревожно спрашивает Лиля, придвигаясь ко мне. И я опять близко вижу ее прекрасное лицо, из которого уже ушло что-то. Да, оно переменилось, оно теперь почти чужое мне. Лучше ли оно стало, я не могу решить. – Ты скрываешь что-то, – с упреком говорит она. – Раньше ты был не такой!

– Нет, нет, ты ошибаешься, – убежденно говорю я. – Просто я не спал ночь.

Она смотрит на часы. Потом оглядывается. Муж кивает ей.

– Сейчас! – кричит она ему и снова берет меня за руку. – Ты знаешь, как я счастлива! Порадуйся же за меня. Мы едем на Север... Помнишь, как ты рассказывал мне о Севере? Ты рад за меня?

Зачем, зачем она спрашивает у меня об этом! Вдруг она начинает смеяться.

– Ты знаешь, я вспомнила... Помнишь, зимой на платформе мы с тобой поцеловались? Я тебя поцеловала, а ты дрожал так, что платформа скрипела. Ха-ха-ха... У тебя был тогда глупый вид.

Она смеется. Потом смотрит на меня веселыми серыми глазами. Днем глаза у нее серые. Только вечером они кажутся темными. На щеках у нее дрожат ямочки.

– Какие мы дураки были! – беспечно говорит она и оглядывается на мужа. Во взгляде ее нежность.

– Да, мы были дураки, – соглашаюсь я.

– Нет, дураки – не так, не то... Мы были просто глупые дети. Правда?

– Да, мы были глупые дети.

Впереди загорается зеленый огонек светофора. Лиля идет к вагону. Ее ждут.

– Ну, прощай! – говорит она. – Нет, до свиданья! Я тебе напишу, обязательно!

– Хорошо.

Я знаю, что она не напишет. Зачем? И она знает это. Она искоса взглядывает на меня и немного краснеет.

– Я все-таки рада, что ты приехал проводить. И, конечно, без цветов! Ты никогда не подарил мне ни одного цветка!

– Да, я не подарил тебе ничего...

Она оставляет мою руку, берет под руку мужа, и они поднимаются на площадку вагона. Мы остаемся внизу на платформе. Ее родные что-то спрашивают у меня, но я ничего не понимаю. Впереди низко и долго гудит электровоз. Вагоны трогаются. Удивительно мягко трогает электровоз вагоны! Все улыбаются, машут платками, кепками, кричат, идут рядом с вагонами. Играют сразу две или три гармошки в разных местах, в одном вагоне громко поют. Наверно, студенты. Лилия уже далеко.

Одной рукой она держится за плечо мужа, другой машет нам. Даже издали видно, какие нежные у нее руки. И еще видно, какая счастливая у нее улыбка.

Поезд уходит. Я закуриваю, засовываю руки в карманы и с потоком провожающих иду к выходу на площадь. Я сжимаю папиросу в зубах и смотрю на серебристые фонарные столбы. Они очень блестят от солнца, даже глазам больно. И я опускаю глаза. Теперь можно признаться: весь год во мне все-таки жила надежда. Теперь все кончено. Ну что ж, я рад за нее, честное слово, рад! Только почему-то очень болит сердце.

Обычное дело, девушка вышла замуж – это ведь всегда так случается. Девушки выходят замуж, это очень хорошо. Плохо только, что я не могу плакать. Последний раз я плакал в пятнадцать лет. Теперь мне двадцатый. И сердце стоит в горле и поднимается все

выше – скоро его можно будет жевать, а я не могу плакать. Очень хорошо, что девушки выходят замуж...

Я выхожу на площадь, в глаза мне бросается циферблат часов на Казанском вокзале. Странные фигуры вместо цифр – я никогда не мог в них разобраться. Я подхожу к газировщице. Сначала я прошу с сиропом, но потом раздумываю и прошу чистой воды. Неловко пить с сиропом, когда сердце подступает к горлу. Я беру холодный стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить. Кое-как я глотаю наконец, всего один глоток. Кажется, стало легче.

Потом я спускаюсь в метро. Что-то сделалось с моим лицом: я замечаю, что многие пристально на меня смотрят. Дома я некоторое время думаю о Лиле. Потом я снова начинаю рассматривать узоры на обоях. Если заглядеться на них, можно увидеть много любопытного. Можно увидеть джунгли и слонов с задранными хоботами. Или фигуры странных людей в беретах и плащах. Или лица своих знакомых. Только Лилиного лица нет на обоях...

Наверное, она сейчас проезжает мимо той платформы, па которой мы поцеловались в первый раз. Только сейчас платформа вся в зелени. Посмотрит ли она на эту платформу? Подумает ли обо мне? Впрочем, зачем ей смотреть? Она смотрит сейчас на своего мужа. Она его любит. Он очень красивый, ее муж.

7

Ничто не вечно в этом мире, даже горе. А жизнь не останавливается. Нет, никогда не останавливается жизнь, властно входит в твою душу, и все твои печали развеиваются, как дым, маленькие человеческие печали, совсем маленькие по сравнению с жизнью. Так прекрасно устроен мир.

Теперь я кончаю институт. Кончилась моя юность, отошла далеко-далеко, навсегда. И это хорошо: я взрослый человек и все могу, и мне не ерошат волосы, как ребенку. Скоро я поеду на Север. Не знаю, почему-то меня все тянет на Север. Наверное, потому, что я там охотился когда-то и был счастлив. Лилию я совсем забыл, ведь столько лет прошло! Было бы очень трудно жить, если бы ничто не забывалось. Но, к счастью, многое забывается. Конечно, она так и не написала мне с Севера. Где она – я не знаю, да и не хочу знать. Я о ней совсем не думаю. Жизнь у меня хороша. Правда, не стал я ни поэтом, ни музыкантом... Ну что ж, не всем быть поэтами! Спортивные соревнования, конференции, практика, экзамены – все это очень занимает меня, ни одной минуты нет свободной. Кроме того, я научился танцевать, познакомился со многими красивыми и умными девушками, встречаюсь с ними, в некоторых влюбляюсь, и они влюбляются в меня...

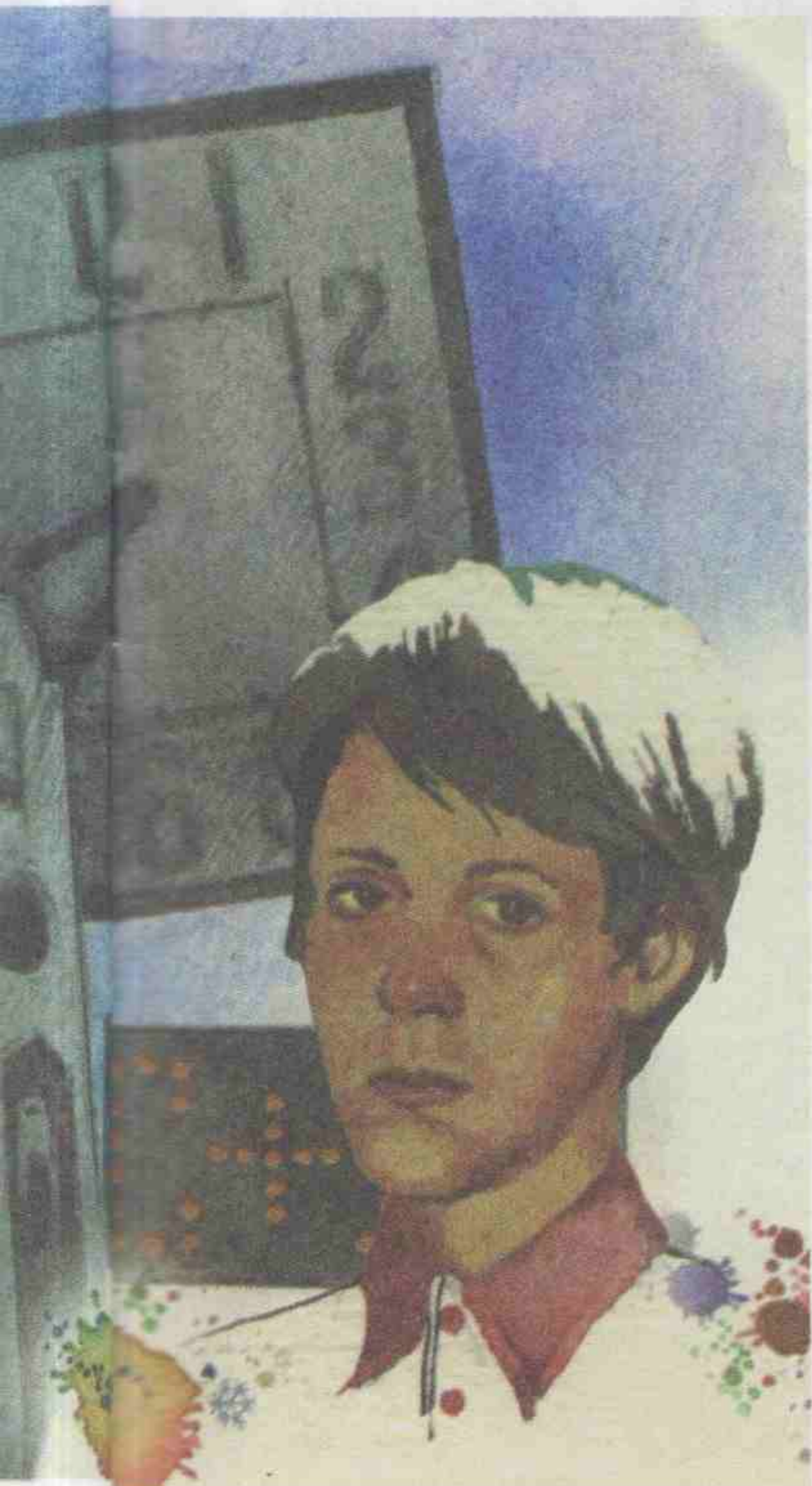
Но иногда мне снится Лилия. Она приходит ко мне во сне, и я вновь слышу ее голос, ее нежный смех, трогаю ее руки, говорю с ней – о чем, я не помню. Иногда она печальна и томна, иногда радостна, на щеках ее дрожат ямочки, очень маленькие, совсем незаметные для чужого взгляда. И я тогда вновь оживаю, и тоже смеюсь, и чувствую себя юным и застенчивым, будто мне по-прежнему семнадцать лет и я люблю впервые в жизни.

Я просыпаюсь утром, еду в институт на лекции, дежурю в профкоме или выступаю на комсомольском собрании. Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побыть одному, посидеть где-нибудь с закрытыми глазами.

Но это бывает редко: раза четыре в год. И потом, это все сны. Сны, сны... Непрошенные сны!

Я не хочу снов. Я люблю, когда мне снится музыка. Говорят, если спать на правом боку, сны перестанут сниться. Я стану спать теперь на правом боку. Я буду спать крепко и утром просыпаться веселым. Жизнь ведь так прекрасна!

Ах, господи, как я не хочу снов!

Если честно, мне этот Муравей никогда не нравился. Который с большой буквы пишется, из басни Крылова. Такой себе старичок-кулачок. Всего у него навалом. И избушка, и дровишки, и трубка, и валенки. Но это, как говорится, его личное дело. Не в этом суть. Хуже, что «правильные» мураши чуть не лопаются от самодовольства. Почему-то они думают, что только им известна вся правда про жизнь и про людей. Вот он окучивает у себя на шести сотках картошку или на рынке торгует, пилит бревно или занял очередь платить за квартиру. А сам глазами по сторонам – зырк-зырк. И стоит кому-нибудь оплошать, а он уже тут как тут: «Ну что, козлы, – схлопотали? Вас еще не так драть надо. У меня поучитесь!»

Ну, не нравится тебе бедная артистка. Ну, не хочешь ты ей угол на зиму сдать. Может, она попсу зажигает, а ты от И о с и ф а Кобзона тащишься. Ради бога! Но – откажи культурно, по-людски, чтобы обидно не было. Так нет же: «... попляши!» Еще и радуется, злодей, чужому горю.

А потом я неожиданно узнала, что... не было никакого старичка-мураша! Попалась мне на глаза гравюра знаменитого французского рисовальщика Г.Доре – иллюстрация к басне Жана Лафонтена, сюжет которой как две капли воды похож на крыловских «Стрекозу и Муравья». Та же история. Но никаких старичков в валенках там и в помине нет. На картинке – две дамы и мальчик с девочкой. Дама постарше полна благородного негодования и презрения к собеседнице. А та, бедняжка, – смотреть больно. Глазки потупила, простоволо-

сая головка книзу, платьишко ветром подбитое, в заочневшей руке – жалкая гитарка. Дети на девушку во все глаза смотрят. Это про нее они слышат всякий раз, когда мама их за баловство ругает: «... А то станете, как Жанна!» Вот она – «та самая» Жанна. Кто она им? Тетя, старшая сестра, дальняя родственница?..

А на улице – холодрыга! Вон, за углом, кто-то изо всех сил упирается, вязанку хвороста тащит. Вот-вот с уст «правильной» дамы спорхнет роковое: «Так поди же, попляши!»

И все-таки – две женщины – это вам не оголодавшая певунья «в приемной» у сытенького буржуйчика.

Как случилась такая оказия? Крылов частенько заимствовал сюжеты у Лафонтена. Понравилась ему и басня

про легкомысленную Цикаду и труженицу-«Муравью». Ведь во французском языке *муравей* – женского рода: *ля фурми*. Что было делать Крылову – писать «Муравьица» или «Муравьица»? Никуда не годится. Так появился новый герой – «кум».

Еще интереснее

получилось со Стрекозой. Где вы видели поющих стрекоз? Они ведь носятся бесшумно, если не считать легкого стрекота крыльев. Выходит, баснописец напугал? Ничуть не бывало. Помните, у Лафонтена была Цикада – один из самых звонких и неутомимых скрипачей мира насекомых? Но как объяснить простым людям, отродясь не выезжавшим южнее Воронежа, что там за цикада такая? И Крылов «пригласил» в басню Стрекозу – благо что в ту пору этим словом у нас обозначали не только «коромысло» (так в некоторых губерниях звали стрекоз), но и стрекотуна-кузнечика, «кобылку».

Ну, а стрекоза стрекозой уже позднее стала, в середине XIX века.

Лариса ШЕБЕКИНА

«Ну не пела я!»

«Скачущий богатырь вдруг заметил, что он потерял коня».

«Ну вот зачем было Герасиму топить Му-Му, когда у него была такая барыня?»

«Раздались звериные вопли. Это начался урок зоологии».

«Рыбы мечутся икрой».

«Балда попа взял на понт».

ПЕРЛОВАЯ КНИГА

«Узник сидел за решеткой в темнице сырой без еды, тепла и электричества».

«Дверь скрипнула, и в комнату вошел весь красный от возмущения кот».

«Далеко за рекой вспыхнули огни. Это наши десятиклассники закурили после дискотеки».

Прислала Ира КОТЛОБАЕВА
из г. Тулы.

Отвечайная

У журнала с читателями должны быть современные деловые отношения. Переписка – только по e-mail-у. За стихи и заметки платить нормальные деньги. Кстати, могу вам кое-что прислать.

Влад ТОБИЛЕЕВ, г. Кромы.

От редакции. Присылай, Влад. Критику принимаем. Немедленно начинаем исправляться. Заплатим нормально. По e-mail-у.

Объявления

Завалю экзамен любой сложности!

Дам кредит двадцать копеек под залог имущества.

Кто нашел мой проездной за прошлый год – пользуйтесь на здоровье!

СПРАШИВАЙТЕ-ОТВЕЧАЕМ

На уроке физики

Учитель. Приведи пример сохранения материи.

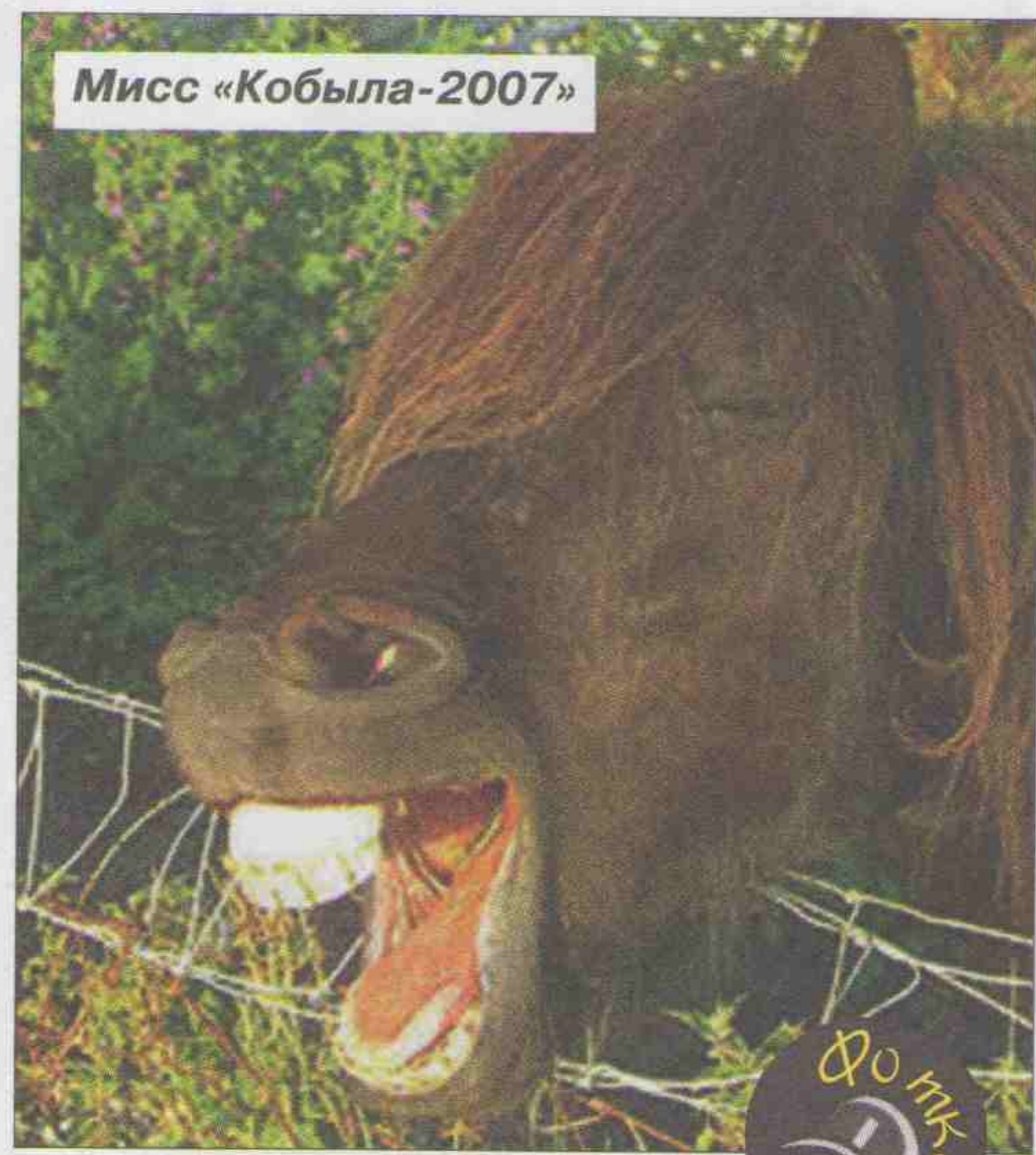
Ученик. Мой дедушка стал лысым. Но зато он отпустил себе бороду.

* * *

На уроке анатомии

Учитель. Как ты думаешь, от чего защищает наше тело кожа?

Ученик. Кожа защищает нас от врагов!

Мисс «Кобыла-2007»

Фотка

ходячий

Анекдот

Маленькая девочка звонит в дверь к соседке:

– Моя мама больна и хочет варенья!

– Деточка, а ты захватила блюдце?

– Не надо, тетя. Я прямо у вас скушаю!

* * *

Звонок в милицию:

– Я – директор цирка. Помогите, у нас сбежал слон!

– Опишите его приметы!

Игра-Тест

1. «Разминочный» тест

2 балла

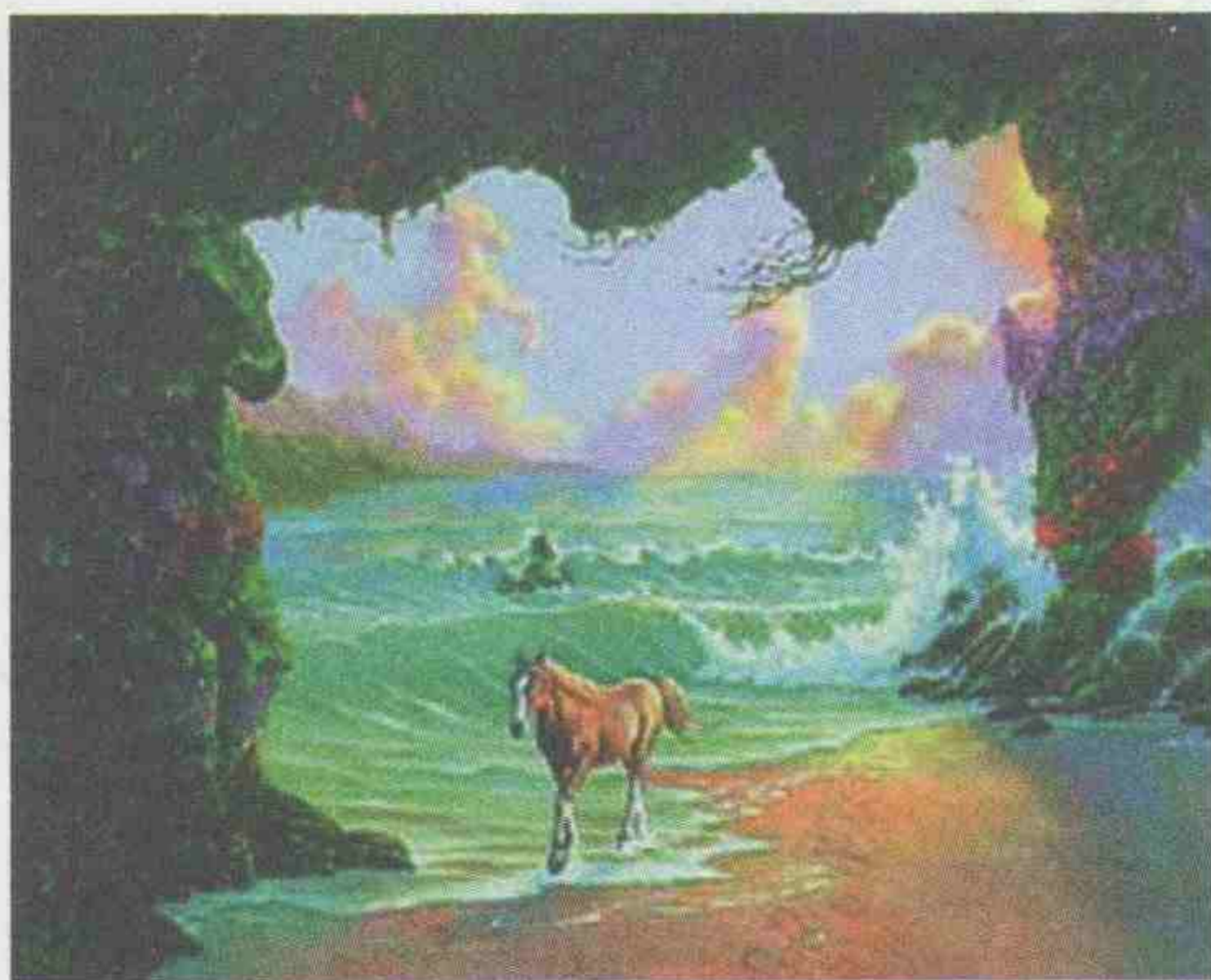
За 20 секунд разгадайте шараду, которую прислала нам Надя Ивонина из Липецкой области:

- С **Б** – мучительной бываю.
- С **М** – одежду пожираю.
- С **Р** – актеру я нужна.
- С **С** – для повара важна.

* * *

2. Тест на наблюдательность

6 баллов

Эта картинка называется «Семеро коней». Ну, и где же они, – кони? Но – все!

ВЫ МОЖЕТЕ ПРОСТО ТАК ИГРАТЬ В ЭТУ ИГРУ. ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ. А МОЖЕТЕ ПОДСЧИТЫВАТЬ БАЛЛЫ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ВЫ ДОЛЖНЫ ТРАТИТЬ НА КАЖДОЕ ЗАДАНИЕ НЕ БОЛЬШЕ ОДНОЙ МИНУТЫ. КЛЮЧ И ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ – В КОНЦЕ СТРАНИЦЫ.

4. Тест на эрудицию

5 баллов

Государственный флаг России: белая, синяя и красная полосы. Флаги каких еще европейских государств можно «сложить» из этих же полос?

5. Тест на умение мыслить логически

5 баллов

Один музыкальный инструмент здесь явно лишний. Какой?

6. Тест на зрительную память

4 балла

За одну минуту запомни максимальное количество слов и запиши их в том же порядке:

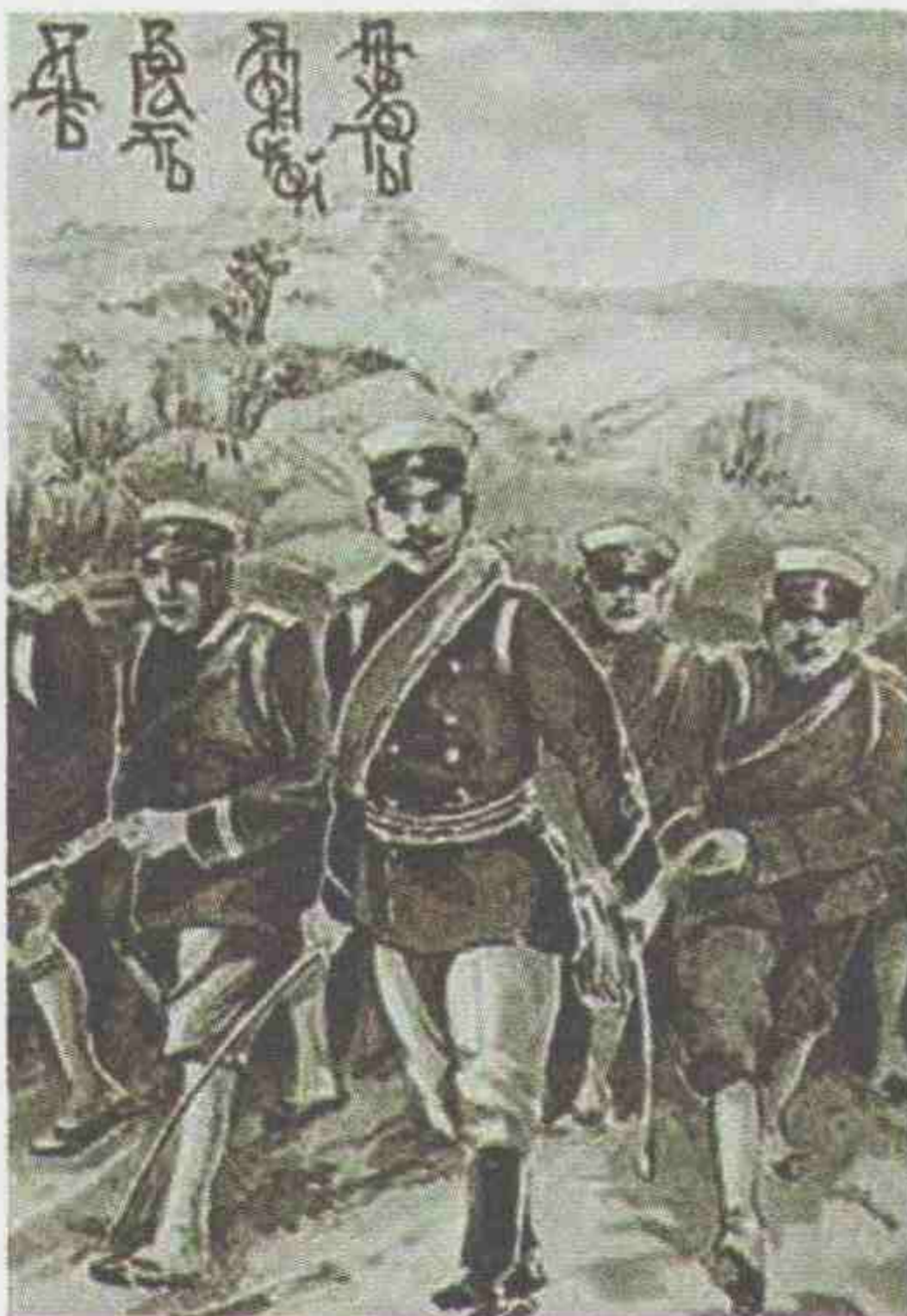
Слон, отвар, мех, гортензия, катетер, вишня, рукав, возможность, испарение, вожак, рубероид, синус, вор.

3. Тест на умение мыслить нестандартно

3 балла

Эту «загадочную картинку» один детский журнал напечатал в 1905-м году, когда шла русско-японская война. Журнал – старый, запомнили? Это важно.

Итак, скажи, где враги японской пехоты и какая ошибка допущена в вопросе?

КЛЮЧ

25 – супер!
До 20 – хорошо.
До 15 – неплохо.
До 10 – средне.
Ниже 10 – сочувствуем...

1. Боль, моль, роль, соль. 2. Са-ми ипшпел! 3. Эта фраза написана в левом верхнем углу картин-ки «японскими» буквами. А в во-просе нет кавычек. 4. Голлан-дия, Сербия, Франция, Люксем-бург. 6. Лишняя – труба. Она из металла. 6. Все слова – ты ге-нин! 10 – уминик; 8 – молокоц.

Правильные ответы:

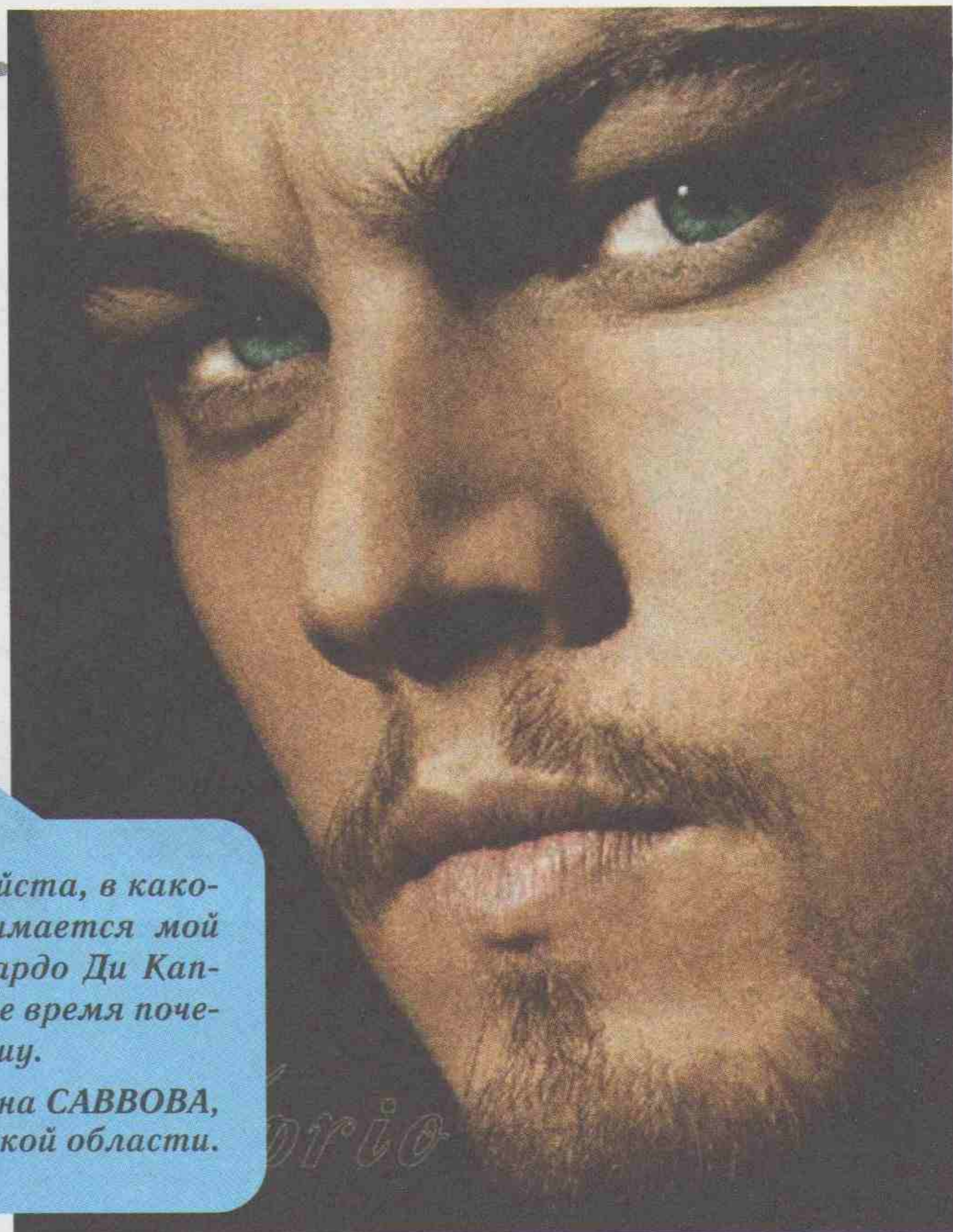

Мочему мало? Леонардо снимается достаточно активно. Правда, фильмы с его участием все почему-то на одну «колодку». «Кровавый алмаз» – про некоего «правильного» контрабандиста, роль которого исполняет твой любимый артист. А еще – переделка однажды снятого гонконгского триллера «Seung Sing», название которого примерно переводится как «Признание боли». Там все закручено по-серьезному. Два друга – полицейский офицер и частный детектив – расследуют убийство отчима еще одного полицейского. Дальше пересказывать бессмысленно: горы трупов не дают толком рассмотреть, что происходит на экране.

Есть в планах у артиста и более серьезные работы. Вместе с режиссером Крэйгом Лукасом он собирается снимать фильм про одного из самых интересных психологов XX века – Тимоти Лири. Похоже, Леонардо готов сыграть его роль, благо что когда-то он был знаком с ученым, прах которого на американской ракете отправили в космос.

Напишите, пожалуйста, в каком фильме сейчас снимается мой любимый актер Леонардо Ди Каприо. Я о нем в последнее время почему-то очень мало слышу.

*Кристина САВВОВА,
г. Торжок Тверской области.*

В России восемь суворовских училищ – в Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Казани, Екатеринбурге, Ульяновске. Самое «молодое» недавно открылось во Владикавказе. Самое «отдаленное» – в Уссурийске. Поэтому тебе следует выбрать то из них, которое находится ближе всего к твоему дому. Отбор кандидатов для поступления в суворовские училища проводят райвоенкоматы по месту жительства. Это самый первый адрес, по которому тебе следует обратиться.

Поступать в суворовское училище можно после 4-го, 8-го или 9-го классов общеобразовательной школы. Это означает, что воспитанники могут обучаться в училище 2, 3 или 7 лет. Пройдя предварительный отбор (по итогам собеседования), кандидаты сдают экзамены: русский язык (диктант), математику (письменно), проходят тесты по физподготовке. Прием в училища обычно проходит с 1 по 15 августа.

Но... подумай. Мода на «Кадетство» привела к тому, что в этом году на одно место в Московском суворовском училище претендовало.... 80 человек!

После того, как я посмотрел сериал «Кадетство», я тоже захотел поступить в суворовское училище. Трудности меня не пугают. Как туда можно поступить?

*Игорь ТУРКОВСКИЙ,
Брянская область.*

Я знаю, что контрафактные кассеты и диски – подделка. Об этом все время говорят по телевизору и пишут в журналах. Почему же люди их покупают? И почему они везде продаются?

Инна СЫРОЧКИНА,
г. Москва.

Емысл выражения ты понимаешь правильно. Контрафакт – выпуск любых товаров – одежды, лекарств, пищевых продуктов, аппаратуры, тех же кассет и дисков – без разрешения людей и организаций, обладающих всеми правами на них. По сути, воровство. Кто-то изобретал приспособление, писал книгу, сочинял музыку, шил превосходные джинсы – короче, изо всех сил продвигал свою марку и сделал ее весьма ува-

жаемой в мире. А потом пришли смысленные ребята и решили все прикарманить. За это их и преследуют по закону. Везде.

А покупают – ясно почему: дешево. Да и качество контрафакта не всегда уступает образцу.

Давай сначала поясним нашим читателям, что «традиционное» айкидо – это сугубо оборонительный вид восточных единоборств. Его основатель, сэнсей Уэсиба, настаивал, что применять боевые приемы можно лишь тогда, когда на вас нападут. «Коронка» айкидо – это освобождение от захватов и надежная защита от ударов – с максимальным использованием инерции тела нападающего.

Я уже давно занимаюсь айкидо. У меня второй кю. Недавно я прочитал, что есть еще и «реальное айкидо». Что это такое?

Олег КАЧУРИН,
г. Краснотурьинск.

«Реальное» айкидо придумал знаменитый сербский мастер Любомир Врачаревич. Он отказался от «философии дружелюбия» и насытил этот вид единоборств разящими атакующими приемами. Получилось очень грозное «оружие». То, чего так опасался Уэсиба...

Дурацких вопросов не существует. Спрашивай!

Главный редактор
А.С.МОРОЗОВ

Первый зам.
главного редактора
Н.А.ТАРАСЕНКО

Журнал зарегистрирован в МПТР РФ.
Свид. ПИ №77-5735
от 10.XI.2000 г.

Выходит при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати
и массовым коммуникациям

Подписано
к печати 21.VIII.2007 г.
Формат 84x108 1/16.
Учетно-изд.л.3,6.
Тираж 3100 экз.
Заказ № 74410

127015,
Москва, а/я 65

683-84-84

E-mail: pioneermag@mail.ru

«Пионер»:
2007 г.
№ 8. л-32.
Рукописи не
рецензируем и
не возвращаем.

ISSN 0130 - 8009

Отпечатано в типографии ОАО
«Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцевская ул., 21.

*Наш сайт
в интернете:*

WWW.PIONEER-MAGAZINE.RU

СЕРФИНГ

Будь ГОТОВ *к новой ветрете!*

■ ИНДЕКСЫ: Роспечать 70694 ■ Общероссийский каталог 29270 ■ «Почта России» 10883 ■